Цена 3 фр. № 8 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 8:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Démocratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 8 Июль 1937 г.

Памяти П. П. ГРОНСКОГО

2 мая скончался после мучительной и длительной болезни Павел Павлович Гронский. Покойный был крупной фигурой на разных жизненных поприщах и на родине, и в эмиграции он развивал многостороннюю, кипучую деятельность. Мы, его политические друзья по РДО, с чувством глубокого уважения и благодарности должны отметить нашу долгую совместную жизнь и работу. П. П., действительно, тесно и неразрывно органически сжился с РДО. Формально это нашло свое выражение в том, что П. П. много лет, до самой болезни состоял товарищем председателя нашей организации. П. П., привыкший к иным масштабам политической работы, психологически «перестроился» в эмигрантских специфических условиях политической деятельности, обнаружив исключительную душевную молодость и свежесть, и не было такой области, где бы П. П. не проявил свойств своей талантливой личности. Девиз покойного был—«всегда готов», в любой момент, при всякой обстановке — на службу тем идеям политической и социальной демократии, проводником которых в эмиграции стало РДО. В содружестве с новыми поколениями русских демократов П. П. так же стойко и верно боролся за свободную демократическую Россию, как и в рядах партии Народной Свободы.

Вспоминаются отдельные отрывочные эпизоды этой деятельности П. П.

РДО только что создалось. Вчерашние участники вооруженной борьбы сомкнулись в тесную политическую группу для продолжения борьбы — иными методами, на других путях. Но нам не хватает политических знаний и опыта, мы недостаточно разбираемся в самых основах устройства партийного механизма.

Знаток англо - саксонской политической жизни, профессор государственного права, П. П. немедленно отзывается на нашу просьбу и делает ряд докладов о политических партиях, их функционировании в демократическом государстве.

РДО открыло свое отделение в Лионе. Нужно туда послать живого интересного докладчика, который ярким, боевым выступлением помог бы сплочению местных р. - д. - ов, затерянных в массе враждебно - настроенных — по неведению — беженцев.

Ни минуты колебания, — П. П. выступает в трудной роли пропагандиста однозвых для вчерашнего галлиполийца идей демократии и «новой тактики». Страсти кипят, правая часть аудитории срывает собрание, которое... продолжается и благополучно заканчивается в другом помещении. Но дело сделано: нами завоевано право пользоваться публичной трибуной для проповеди р.-д. идей в тогдашней нездоровой политической атмосфере.

И много раз ездил П. П. по французской провинции, с прирожденным красноречием и убежденностью распространяя наши идеи в среде русской эмиграции.

1932-ой год был переломным в жизни нашего об'единения. Оно переживало «болезнь роста»; ход жизни и внутренняя логика развития толкали нас на путь разработки социальной программы. П. П. с обычной готовностью входит в эту незаметную, но для политической организации первостепенной важности работу и возглавляет «рабочую комиссию», которая составила рабочую программу РДО.

Окрепшее, после большой идеологической работы, РДО почувствовало потребность в создании собственного политического органа. Мы начинаем издание «Нашего Слова». И в первом же номере появляется статья П. П., посвященная положению в России.

Можно было бы продолжать без конца: любое проявление нашей жизни было связано с П. П. — вплоть до постоянного председательствования на наших скромных внутренних докладах в библиотеке или участия в интимных товарищеских вечеринках.

Мы, более молодые сочлены, никогда не ощущали ни малейшего средостения между нами — профессорское звание и культурное превосходство нисколько не мешали нашему свободному, подлинно-товарищескому общению на почве служения общему идеалу.

Поэтому мы так тяжело переживали личное горе П. П. — утрату любимого сына, так больно восприняли тяжкий недуг, поразивший его в расцвете сил, и не можем примириться с преждевременным уходом полного жизненной энергии и душевной бодрости нашего верного политического друга и соратника.

П. Н. МИЛЮКОВ

„Реформа“ или „самозащита“

Потрясающие известия и слухи, приходящие в последние недели из Москвы прямым и окольным путем, нельзя признать вполне неожиданными. Но истолкование их нелегко и вызывает пока разнообразные мнения. Смысл этих разногласий выражен в заглавии настоящей статьи. Что это: продолжение того, что можно было до сих пор считать признаками серьезной радикальной реформы всего строя, проводимой Сталиным, или же это — азартная игра, исключительная цель которой — личная самозащита диктатора? Попробуем разобраться в этом сбивчивом и трагическом ходе событий.

Прочность прежнего, разрушаемого теперь советского строя обеспечивалась тремя силами, на которые опиралась правящая олигархия: единой правительственной партией, террором ГПУ и красной армией. По мере превращения олигархии в диктатуру Сталина, партийная опора сильно потеряла в прежнем значении для власти. Партия, когда-то пересозданная ее генеральным секретарем, отбилась от рук ее создателя, превратилась в нестройное слагаемое больших и мелких местных сатрапов, засидевшихся на местах и ускользавших от центрального контроля. Расправа с ней, поверка ее состава, ее освежение новыми элементами, долженствовавшими почувствовать свежую зависимость от раздавателя благ — все это были понятные и естественные задачи партийной политики. Разгром старой партии должен был служить одинаково и реформе строя в духе новых требований жизни (поменьше доктрины и побольше связи с населением) и самоохране диктатора от эманципировавшихся от него старых ставленников. Принять надлежащие меры для того и другого было сравнительно нетрудно. Новая конституция с ее тайными выборами должна была придать повороту законную форму.

Другой столп режима — его тайная полиция, вооруженная всеми средствами устрашения, освобожденная от всяких стеснений закона — если о законе вообще можно говорить при этом режиме — был зараз и крепче и опаснее. По самому существу дела это была сила, независимая от открытой сети управления. Казалось, что с ней диктатору придется поцеремониться. В том или другом составе, она, все равно, должна была служить режиму, и, все равно, должна была сохранять известную независимость, а также и право злоупотреблять властью в личных выгодах ее участников. Вот почему, когда Сталин одним ударом свалил всемогущего Ягоду, этот акт его дерзания вызвал известную сенсацию. Приходилось остановиться на мысли об опасности—не данного учреждения вообще, а его личного состава для диктатора. Это был акт несомненной самозащиты. Он сам по себе свидетельствовал о прочности власти, решившейся затронуть организацию, неизбежно ускользающую от наблюдения и контроля. Очевидно, оставалась возможность подвести и эти предприятия Сталина — чистку ГПУ — под общее представление о совершающейся коренной перестройке всего традиционного порядка СССР. Жалеть об этом не приходилось.

Оставалась третья опора режима, не только не потревоженная в своем существовании, но, напротив, выдвинувшаяся, благодаря международной обстановке последних лет, на первое место. Это — красная армия. Реорганизация средств обороны СССР была в значительной степени поставлена задачей первой пятилетки. Военной обороне страны была посвящена энергичная пропаганда, и она сделала свое дело. Молодое поколение выросло с патриотическими настроениями, враждебными прежнему официальному интернационализму; на этом основании оно готово было принять с удовлетворением все партийные меры Сталина, направленные к ликвидации старых большевиков. С ними вместе отходила в прошлое доктрина основателей режима, и основные понятия коммунизма сильно тускнели, если вовсе не забывались в глазах молодежи. В то же время весь состав армии был поставлен в особо привилегированное положение и имел наименее оснований жаловаться на сложившийся порядок вещей. Предполагалось, что за свои привилегии армия ответит особой преданностью Сталину и станет в стороне от всяких политических течений, склонных подвергать критике современный режим. «Армия вне политики» — этот лозунг, казалось, армейцы приняли охотно. Их главной заботой, привлекшей к ним симпатию подрастающей молодежи, была профессиональная подготовка к защите родины. Самое понятие родины, отечества — даже «России» с ее прошлым — все что содействовало возрождению национального чувства — вновь вводилось и поощрялось свыше, как логическое последствие приписываемой Сталину национализации революции. Конечно, рано или поздно, даже аполитическое настроение армии, в связи с ее независимым положением, должно было втянуть ее в обсуждение политических вопросов и создать в ней уже не случайный очаг оппозиции всему тому, что еще сохранилось от времен октябрьской революции. На этой ожидаемой перемене в настроениях армии можно было строить надежды на государственный переворот внутри России. Но, казалось, до принятия этой политической роли красной армией дело далеко еще не дошло.

Естественно, что при таких условиях начавшееся как то внезапно преследование вождей армии и офицерства, опала и вероятный арест Тухачевского, самоубийство Гамарника и т. д. — все это

должно было произвести оглушающее впечатление и окончательно поставить вопрос, что же собственно происходит в России: радикальная ломка режима или удары направо и налево в защиту личной безопасности Сталина от всех возможных конкуррентов на власть?

Есть ли это обычный в тактике Сталина шаг назад после нескольких шагов вперед с целью сохранения хотя бы остатков разрушаемой идеологии, т. е. просто очередной зигзаг диктатора, или это плод последовательной политики в стиле сиракусского тирана Дионисия и нашего Ивана Грозного, систематически сбивавших головы верхушкам? Если можно, шутя, отделаться от соперников и противников даже и в этой среде, сохранявшей до сих пор наибольшую силу в стране, если даже военная среда оказывается безсильной оказать сопротивление насилию диктатора, то на что же кроме чисто психологических воздейлействий или индивидуальных ударов мы можем рассчитывать для дальнейшего хода событий в России? Этот капитальной важности вопрос новейшие события оставляют — пока — без ответа. Косвенный ответ заключается лишь в том общем впечатлении, которое эти события производят в самой России. По идущим оттуда сведениям никто в настоящую минуту не может считать вне опасности не только свою свободу, но даже и жизнь. Ибо тот штамп, которым власти клеймят общее понятие «врага народа», настолько широк и неопределенен, что под него может подойти любой советский деятель. «Троцкист», «контр-революционер», «шпион» — в России теперь есть всякий человек, неугодный Сталину. Можно даже заставить его открыто признаться во всем, в чем угодно, методами, пока еще не совсем ясными, но во всяком случае весьма действительными. Для людей, не желающих пройти длинную галлерею «мистерий», приводящих к таким добровольным признаниям, остается один метод: метод Гамарника. И список политических самоубийц — по требованиям власти, или не ожидая этого требования (вспомним турецкий шнур или нероновский приказ) с каждым этапом преследований пополняется новыми крупными именами лиц, знакомых с внутренней кухней Кремля.

П. Милюков.

Пост-скриптум.

Статья эта была набрана, когда последующие сообщения из России развернули перед нами совершенно исключительную и глубоко трагическую картину того, что там происходит в связи с однодневным судом над восемью главными руководителями красной армии и их немедленным расстрелом. Отдельные черты этой мрачной картины далеко еще не закреплены; толков и слухов по этому поводу ходит очень много и самых разнообразных. Но одно уже ясно: здесь сдвинут с места какой-то краеугольный камень, который грозит повлечь за собой опасный крен всего советского здания. В какую сторону? Определить это пока совершенно невозможно. Попытаемся установить лишь кое- какие вехи.

Не может быть спора, конечно, что трафаретная формулировка обвинения — с последовавшим якобы «сознанием» подсудимых — насквозь фальшива и ничего об'яснить не может. Казненные генералы, конечно, не были изменниками и предателями родины, не были «агентами Германии и Японии», не собирались делить Россию и продавать военные секреты. Нельзя считать их и исполнителями планов каких то неведомых «крупных помещиков и капиталистов». Если кем - либо был нанесен тяжелый удар обороне России, то это сделано именно Сталиным в результате его погромной тактики. Живя за-границей, мы не можем не видеть, как вслед за первыми минутами недоумения по поводу скороспелой расправы с людьми, еще накануне стоявшими во главе военного дела, возобладало чувство глубокого разочарования у друзей и нескрываемого злорадства и ликования у врагов России. Итак, говорили друзья, военная мощь России есть фикция, положиться на ее вождей нельзя, и расчет на нее должен быть скинут со счетов международной дипломатии? Итак, говорили противники, наступило время вернуться к завоевательным планам за счет России, к проектам ее нового раздела за ширмой разных сепаратистских «правительств», пригреваемых в ожидании благоприятного момента? Да и что значит обвинение в тайных сношениях с Германией, спрашивали себя люди, знакомые с дипломатическими секретами, когда открыто, почти оффициально из Москвы шли намеки на возможность перемены международной ориентации СССР, если друзья и союзники будут продолжать свою колеблющуюся политику? Все уверения казенной советской печати, что теперь-то сила красной армии как раз возрастает и станет непобедимой, что Сталин именно на армию готовится перенести всю опору режима после разгрома партии и ГПУ — вся эта жалкая болтовня есть удары по воздуху. Они не в состоянии перевесить ущерба, нанесенного Сталиным русскому престижу. Здесь спрашивают себя: если все так прогнило, если лучшие из спецов оказываются «вредителями» если, наконец, как свидетельствует корреспонденция Юста из Москвы, оппозиция теперь везде и нигде, — «повсеместна и неуловима», — а в то же время, прибавим от себя, бессильна и не организована, — то чего-же можно ожидать от нового варианта «колосса на глиняных ногах»? Резня без конца, хаос, анархия в перспективе, появление авантюрных вождей, расчленение в последнем счете? Быть может, положение не так еще плохо; но несомненно, что расстрел военных вождей — и то, что за этим еще может последовать, выдергивает из советской постройки крепкий стержень, на

котором эта быстро ветшающая постройка еще могла бы держаться. Радоваться всему этому мы не можем. Не можем и осуждать тех, кто ищет немедленного выхода из невыносимого положения. Ворошилов, а за ним и советские газеты начинают говорить: тут была не просто измена, а форменный заговор. Если в самом деле оппозиция «везде и нигде», то заговор — этот или другой, — значит, имеет корни, которые выкорчевать никакая «чистка» не сможет. Кого же, в конце концов, в России больше — «заговорщиков» или тех, против кого заговор направлен?

Вот роковые вопросы, которые ставит теперь русская жизнь. Ответить на них мы не можем; но поставить их необходимо. Темп событий в России явно ускорен. Так бывает всегда при завершении цикла. Ни декретировать событий, ни предсказывать их, ни пытаться оказывать на них влияние нам отсюда невозможно. Но политическая мысль идет впереди событий. Что будет, мы не знаем. Но мы знаем, что **должно** быть, чтобы в результате кризиса Россия вышла на прямую дорогу. Об этом говорит все наше направление.

П. Милюков.

В тупике

А. П. МАРКОВ

Есть у А. Франса в его «Острове пингвинов» замечательная фраза, относящаяся к одному из героев: «Если бы он служил в каком-нибудь частном учреждении, это было бы тотчас замечено, но гораздо труднее обнаружить безумие или бред в управлении государственными делами».

Сталина отнюдь нельзя считать безумным человеком и впавшим в бред. Но тем не менее его деяния полны безумия, даже если их рассматривать с точки зрения его собственных интересов, как главы диктаторствующей партии, марксиста и автора «самой замечательной конституции».

Сталин не понял, что даже в условиях сталинского режима конституция создает великий соблазн и порождает у граждан вреднейшие мысли. Эти мысли уже замечены сталинской прессой, которая бессильна их упразднить и основательность их опровергнуть. В конституции коммунистическая партия именуется «передовым отрядом». В общественной жизни, разумеется, могут быть граждане разного качества и их общественная роль далеко неравноценна. Одни ведут, другие помогают вести, третьи идут за ведущими. Но в условиях настоящей демократии ведомые должны идти не как стадо, а в полном сознании, что ведущие могут, должны и заслужили право быть впереди. Одним словом, чтобы быть в передовом отряде, надо на это иметь право, заслужить это право в глазах граждан. Сталинская же конституция, снабжая граждан всей полнотой прав, приказывает: нас, комунистов, вы, граждане, должны считать передовым отрядом. Среди многомиллионного населения страны небольшая кучка, не доходящая и до 3 процентов по отношению к взрослому населению, снабжается исключительными правами. Иначе говоря, в сталинской «самой демократической» конституции устанавливается сословное начало. Совершенно неважно, что об этом в конституции не говорится прямо и ясно. Но таков ее смысл. И первый вопрос, который неизбежно возникает в голове у советского гражданина, это такой: «как совместить равенство прав граждан и признание небольшой кучки коммунистов передовым отрядом»?

Разумеется, гражданам раз'яснили и раз'ясняют, что только благодаря коммунистической партии построен в СССР социализм, Но довод этот неубедителен. Кому-кому, а советским гражданам отлично известно, что представляет собой социализм. Зная этот социализм, граждане весьма не прочь из'ять это социалистическое строительство из рук «передового отряда» и самим заняться устроением государственных дел. Но из Москвы говорят: нет, социалистическим строительством должны заведывать коммунисты.

Итак, коммунисты, избранные среди прочих, лучшие, умнейшие, честнейшие... Если бы это было так, то с их особыми правами можно было бы как то примириться. Но никто иной, как Сталин, во всеуслышание говорит совсем другое: коммунисты — это скопление людей, которым не верит даже он, глава коммунистов.

О чистках партии мы все знаем. В 1921 г. при чистке партии выгнали 175 тысяч чел., более 30% коммунистов, в 1929 г. — 300 тыс. коммунистов. Между этими двумя чистками контрольные комиссии исключили 260 тысяч членов партии. **Выходит, что до 1929 г. было выгнано 735 тысяч «строителей социализма».** Каков был в этот период численный состав партии? В 1921 г. партийцев насчитывалось 732 тыс., в 1930 г. 1,2 миллиона чел. Спрашивается, кого же было больше в партии — идеологически чуждых или идеологически приемлемых и кто строил этот самый социализм — настоящие ли коммунисты или бандиты?

Но в дальнейшем, как мы знаем, после периодических чисток, пошли чистки, получившие постоянный характер. Началось это с 1933-34 г.г., когда была предпринята третья «генеральная» чистка. В этой чистке из партии выгоняли не только «идеологически» чуждых. Чистка эта замечательна была тем, что среди вычищенных было установлено наличие определенно преступных элементов, как то: бандитов, вредителей, шпионов, диверсантов и т. д... Таким образом, предшествующие чистки не принесли никакой пользы и привели к росту в партии таких строителей социализма, которым место на

скамье подсудимых. Долго чистили в порядке «третьей генеральной». Потом стали опять чистить не в «генеральном» порядке, а в порядке проверки и обмена документов.

История чисток таким образом характерна прежде всего тем, что **чистки эти обнаружили нарождение в партии многоразличия в формах политической развращенности коммунистов. Характерна она также тем, что разложение партии стало настолько устойчивым, что от периодических чисток пришлось перейти к постоянным.**

Но в дальнейшем чистка приняла совершенно иной характер, еще более скандальный для «передового отряда». Раньше производили чистку верхушки партии, всякого рода партийные вожди республиканского, областного и районного масштабов. **Это были чистки сверху.** Чистили, чистили и ничего хорошего не вышло. Тогда добрались до тех, кто чистил. Стали чистить их. И вот тут то и оказалось, что куда ни глянь — везде сидят и управляют вредители. Последние были найдены на следующих фронтах: хозяйственном, философском, литературном, историческом, педагогическом, художественном и в самое последнее время — на военном... Вредителей отыскали на самых верхушках советского управления, вредителем оказался сам глава чеки — Ягода, с 1920 г. расстреливавший всякого рода вредителей. Вредители — не рядовые коммунисты, это передовые из передовых, это самые главные строители социализма. Вредителей таких, судя по советским сообщениям оказалось так много, они так крепко засели и так долго сидели на своих местах, что естественно и неизбежно возникает вопрос: если вредители сидели и вредительствовали на всех важнейших фронтах, то что же такое сталинский социализм — создали ли его вредители или Сталин? Что представляет вся сталинская система, если она привела к господству вредителей?

Размышлениям на этот счет советского гражданина сам Сталин подводит итоги своим выступлением на последнем пленуме ЦК партии (февраль с. г.) Смысл резолюции этого пленума (от 27 февраля с. г.) следующий: головка партии признала, что перед страной, которая должна избрать депутатов в Верховный совет, партию в существующем виде выпустить никак нельзя, ибо она разложилась и осрамилась в глазах населения; головка партии дальше признала, что надо начать новую чистку — **на этот раз снизу**. Началась кампания, по своему смыслу и задачам противоположная прежним — в порядке «самокритики» начали чистить тех, кто раньше управлял чисткой. Но новая чистка сразу же стала на путь «извращения».

Эта чистка снизу, может быть, значительнее и выразительнее прежних чисток. Она свидетельствует об убеждении головки партии, что развращен самый верхний слой, слой партийных сатрапов. Но она также обнаруживает, что рядовая коммунистическая толпа неспособна к созданию начал «демократического централизма» в партийной жизни. Даже в пределах собственной партии «передовой отряд» неспособен установить сколько либо здоровых начал. Как же этот «передовой отряд» поведет за собой страну? Наиболее яркое отражение этой чистки снизу мы находим в Донбассе. Что там случилось? Поощряемая сверху, партийная толпа и беспартийный актив занялись не оздоровлением партийной жизни, а прежде всего личными счетами. Началась настоящая вакханалия — инженеры и техники толпами бежали с предприятий, на них повисло обвинение во вредительстве; демагоги, которых Сталин в изобилии накопил и воспитал, распоясались.... В Москве поняли, что и чистка снизу не дает здоровых результатов. Доказательство налицо: Донбасс стал разваливаться, добыча угля упала, прогулы возросли, дисциплина расшаталась. Если сравнить добычу угля в Донбассе в нынешнем году с прошлым, то получается совершенно катастрофическая картина: в прошлом году в апреле месяце только в редкие дни добыча (в сутки) спускалась к 200 тыс. тонн. В этом году, наоборот, она в исключительных случаях доходит до 200 тыс. тонн, хотя план на этот год выше прошлогоднего.

В Москве засуетились: издали приказ об обуздании «самокритики», а прокуратура СССР приказала пересмотреть все дела о вредителях, начиная с 1934 года. Выходит, следовательно, что в Москве признали, что многие люди посажены в тюрьмы зря, что лица, признанные «вредителями», являются не вредителями, а настоящие вредители те, кто судил, сажал по тюрьмам. Но кто же в конце концов вредитель и кто не вредитель? Где корни развала, этого гниения, которым охвачен весь партийный организм?

Причина его создана самим сталинским режимом. Дело не только в разложении партийцев, а в том, что режим неизбежно порождает разложение. И никогда за весь советский период это не было столь ясно, как теперь. Что хочет и что нужно Сталину? Ему нужен штампованный, стандартизованный, сошедший с конвейера, партиец. Иного партийца сейчас не надо. И он не может существовать. И в то же время этот механизированный партиец должен строить социализм и вести за собой страну.

Сталин в корне убивает всякое творчество, всякую инициативу, всякое проявление умственной самостоятельности. Сталин борется как будто бы с подхалимажем, но при нынешних условиях в партии может удержаться прежде всего подхалим и лгун, тот самый лгун, которого не так давно обличал Молотов в длинной статье, перепечатанной почти во всех советских газетах.

Сейчас весь марксизм во всех его проявлениях, во всех направлениях свелся к сталинизму, для того, чтобы... окончательно умереть. Сталину успешно удается именно убить марксизм. Это, разумеется, не плохое дело.

Марксисты в СССР философствовали и создавали марксистские философские теории, пытаясь подвести под сталинский марксизм идеологический фундамент. Теперь все прежнее философское построение признано вредительским. В Москве ищут новых философов-марксистов — для создания прикремлевской философии. «Правда» и «Известия» разносят философские журналы, но никто не рискнет сделаться сталинским придворным философом. И как им сделаться? Сегодня угодил, а завтра? Завтра могут тебя признать вредителем.

Создавали и другой фундамент для сталинского социализма — социалистическое право. Но в последнее время пришли к выводу, что основоположники учения о советском праве — вредители. Пашуканис с высот марксистской правовой науки и с кресла академика ринулся в чеку. В прошлом году его прославляли, в этом году прокляли и Пашуканиса и всю его школу и всех его последователей. А где взять новых правоведов и кто создаст новое сталинское право?

Сколько лет поклонялись Покровскому, основоположнику марксистской истории. Но теперь прокляли и Покровского, а его школу и его учеников зачислили в ряды вредителей. Кто будет новым придворным историком и какова будет эта новая история?

Прорыв, далее, установлен на педагогическом фронте. В течение скольких лет в школах орудовали педагоги, действовавшие под знаменем марксизма и выпускавшие «труды» при содействии и поощрении комиссариата просвещения. Педология признавалась, как наука, основанная на марксизме. Одним махом педологи - марксисты были отрешены от марксизма и вся марксистско - педологическая чепуха в качестве таковой и была признана в Кремле. Но дело не в этом. Признать педологию чепухой было бы совсем не так трудно. Но как создать новую педагогику? Педагоги клянутся, что марксизм-ленинизм-сталинизм дает исчерпывающие указания насчет создания педагогической науки. «Известия» и «Правда» резонно ставят им вопрос: если вы клянетесь в вашей верности марксизму - сталинизму, то почему же вы не создадите настоящей марксистской педагогики? По той простой причине, что педагогика, основанная на марксизме, — совершеннейшая ерунда. Все это знают и понимают и ждут такого смельчака или дурака, который дал бы нечто такое, что не было бы похоже ни на труды педологов, ни на Маркса, а на Маркса особой породы — сталинскаго Маркса, которого Сталин перекрашивает так, как ему нужно для данного момента.

Если обратиться к литературному фронту, то там тоже неразбериха, путаница и вредительство. Вредителей выставили. Отлично. Но что должны делать те, кому вредительство не пришито. С одной стороны, от писателей требуют воспевания социалистического энтузиазма, с другой, от них требуют «социалистического реализма». Что это за реализм? В «Известиях» выяснилось, что тот слащавый советский герой, который неизменно фигурирует в произведениях огромного большинства авторов, уже надоел. «Герой» этот приобрел какие то предустановленные качества. Писателям говорят: дайте нам «живой» образ строителя социализма. Конечно, писатели могли бы его дать. Но что это будет за образ? И что последует, если «образ» не совпадет с «линией». Писатель поставлен в условия, при которых его творчество не столько должно соответствовать требованиям «социалистического реализма», сколько очередному изгибу «линии». Вредителей из писательской среды выкинули и разоблачили. Но ведь для самих разоблачавших ясно, что разоблачая, они достигли наивысшей ступени подхалимства, ибо действовали не по совести и убеждениям, а по причинам просто шкурного порядка. Иначе в сталинских условиях действовать без риска нельзя. Ликвидация вредительства среди писателей является ударом по советской литературе, которая должна быть подхалимствующей и придворной.

Можно было бы умножить те фронты, где марксизм совершенно обанкротился. Я утверждаю, что обанкротился не только сталинский марксизм, но обанкротилась вообще марксистская теория, как мировоззрение, как фундамент политической и социальной мудрости. Марксизм не только надоел. Нет, он опустошал в течение стольких лет человеческие головы, вырывал в корне свободу мышления, заполняя сознание готовыми и абсолютными формулами.

По советским данным за период сов. власти в СССР было издано более 80 миллионов книг Ленина и около 9-10 миллионов книг Пушкина. Ленин неподвижно стоит на полках вместе с Марксом и Сталиным, а Пушкина страна читает и на Пушкине учится. Это — великий символ, это победа свободного мышления и свободы над мертвящим марксизмом.

Воскресит ли Сталин марксизм-ленинизм-сталинизм?

Никакой надежды для этого нет. Марксизм исчерпан до дна. Сейчас он столкнулся с религией и, совершенно ясно, что выдержать борьбы с религией не в состоянии. Марксизм питался классовой борьбой. Но классовые враги уничтожены и их поставщиком является коммунистическая партия.

Марксизм брал силы в идее диктатуры пролетариата, но сейчас советский пролетариат противостоит советской власти и коммунистической пар-

тии. Сталинский марксизм уперся в тупик. Дело сложилось так, что Сталин должен быть и философом, и историком, и педагогом, и хозяйственником, и литератором, и художником, и архитектором...

Безудержная расправа с инако мыслящими — яркое и бесспорное доказательство зашедшей в тупик диктатуры. Диктатор в бешенстве, но в его руках остается только расправа с инакомыслящими. Страна подошла к возрождению, и Сталин безнадежно подпирает треснувшее и разваливающееся построенное им «социалистическое» общество.

А. Марков.

А. Н. ЛАЗАРЕНКО

Федерации и автономии в конституциях XX века

I.

В русской общественности лишь демократические круги последовательно проводят в своих воззрениях на государственное устройство России начало широкой самостоятельности отдельных областей и народов России. Первое серьезное, имевшее реальную политическую основу, обсуждение вопроса об автономии относится к первой революции. В 1905 г., в программе первых, открыто тогда появившихся политических партий появилось резкое расхождение между конституционно - демократической партией и левее ее стоящими, с одной стороны, и партией «октябристов» и всем правым флангом, с другой стороны. Партия народной свободы отстаивала принцип широкого местного самоуправления, а для Польши и автономное ее устройство; правые же стояли на начале строгого унитаризма и централизма. Вновь русская общественность (но уже только левая, ибо правая была «в нетях») вернулась к обсуждению вопросов о формах государственного устройства в 1917 г., когда начал уже обсуждаться и вопрос о федерации. И в эмиграции демократические круги остались верны старым заветам. РДО свою политическую платформу начинает провозглашением, что будущая Россия Об'единением мыслится, как «демократическая федеративная республика» (ст. 1). Федеральное устройство России усвоила и платформа совещания 1922 г., на котором участвовали: р-д, группа партии народной свободы, правое крыло партии социалистов-революционеров, социал-демократы, народные социалисты. Спустя 12 лет в проектах платформы партии с-р, опубликованных в органе парижской организации партии «Свобода», декларируется: «установление, расширение, укрепление автономных прав народов России», «расширение и укрепление федеративных связей между отдельными территориями России». Чрезвычайно характерна эта лапидарность всех платформ при установлении одного из коренных политических вопросов бытия России. Происходит это потому, что «для русских политических групп, как говорит П. Н. Милюков в своем известном комментарии «Три платформы республиканско-демократических об'единений», весь вопрос о федерации нов и далеко не выяснен по существу. Русская федерация, стала возможной только после революции. События, которые произошли со времени революции, еще продолжают развиваться, федеративное начало еще не вполне оформилось».

Задача настоящей статьи разобраться в вопросах: что в науке права и в культурных государствах разумеется под федерацией и автономией, в чем между ними разница, насколько важна и серьезна эта разница в практической жизни, какова эволюция федерализма в первой трети XX века.

II.

Автономия и федерация, согласно теории права, суть видовые понятия более общего широкого понятия, т. е., родового понятия — «политическая децентрализация». Под последней же подразумевается предоставление для известной территории самостоятельного устройства и **самоправления.** Существенною частью самоправления (и тем оно отличается от самоуправления) является самостоятельная законодательная деятельность, что вызывает образование законодательной, представительной палаты. Автономией или федерацией политическая децентрализация становится в зависимости от того, каким юридическим актом она устанавливается: законодательным или конституционным. В первом случае сохранение ее обязательно впредь до отмены новым законом. Территория, устроенная и управляемая по этому особому закону именуется автономной. Во втором случае соблюдение политической децентрализации обязательно для верховной государственной власти впредь до изменения конституции. Установление политической децентрализации конституцией создает федеративное (союзное) государство (см. Тарановский. Энциклопедия права стр. 352 и сл.).

В историческом развитии форм государства федерация всего чаще возникает путем соединения уже существовавших государств. В федерации, поэтому, политическая децентрализация осуществляется по собственному праву. Установление же компетенции союзной государственной власти производится по соглашению членов союзного государства. В автономиях же политическая децентрализация создается по уполномочию и в пределах полномочий, предоставленных законодательным актом центральной государственной власти. Юридически, в автономиях право на самое их существование производное, а не самостоятельное. Таким образом,с точки зрения науки права, различие между автономией и федерацией чисто формальное.

Жизненным подходом к выяснению реальной сущности автономии и федерации является изучение компетенции, об'ема ведомства, которым обладает

политически децентрализованная территория, независимо от того, какое название она носит. Очень характерный пример в этом отношении представляла Финляндия, пока она входила в состав Российского государства. Большинство государствоведов отказывалось признать федеративную связь ее с Российской империей и склонялось, вслед за Еллинеком к признанию ее «государственным фрагментом». Между тем, Финляндия, во всяком случае до Столыпинских покушений на ее государственную жизнь, на основании актов шведского государственного права — формы правления 1772 г„ и акта единения и безопасности 1789 г. — обладала большей законодательной и административной самостоятельностью, чем королевства и герцогства, входившие в союзное государство — Германскую империю.

Точно также и «автономные доминионы» «Британского Сообщества наций» или иначе «Британской империи» были неизмеримо самостоятельнее всех этих Саксоний, Вюртенбергов, Гессенов и т. д., существование которых, в виде государств - членов Германской империи, поддерживалось ради удовлетворения династических претензий многочисленных княжеских домов. На наших глазах английские доминионы — все еще именуемые лишь автономными (даже в решениях Бальфуровской имперской конференции 1926 г. о взаимоотношениях их с Великобританией) достигли почти полной самостоятельности, что характерно выражается в предоставлении им и дипломатического представительства и права участия в Лиге Наций. Лишь в так наз. Вестминстерском статуте 1930 г., согласно которому законы Великобритании могут действовать в доминионах лишь с их согласия и, при конфликтах законов первенство имеет закон доминионов, они потеряли предикат «автономные». Ныне формально, связь «сообщества наций» — в лице «символа единства» — короля. В действительности связь идет по линии правительственной власти (имперские конференции), а еще больше выражается в бесчисленных культурных и экономических отношениях.

III.

XX столетие привнесло в проблему федерации глубокие изменения. После всемирной войны и пронесшихся революций началось переустройство Европы. И в государствах, принявших федеративное начало, оно, прежде всего, теряет прежний смысл исторической традиции, значение политического принципа, выражение национальных традиций. Происходит, по выражению проф. Миркина-Гецевича, «рационализация федеративного режима»: федерация организуется на принципе социальном.

В конституции Германской республики 11 авг. 1919 г. твердо устанавливается, что деление державы (рейха) на земли должно иметь целью наивысшее использование хозяйственных и культурных сил народа и, по возможности, сообразоваться с волею населения (п. 18). Компетенция членов Германской федерации, и ранее не обширная, новой конституцией (ст. 6-13) еще сократилась. Унитаристические тенденции в устройстве Германской республики выразились вполне отчетливо.

То же произошло и при составлении пореволюционной Австрийской конституции 1 октября 1920 г. Этой конституцией единое до революции государство было превращено в федеративное, но с такою укороченной компетенцией членов федерации, что государствоведы - теоретики классического федерализма считали австрийскую республику унитарным государством.

Те же принципы в отношении политической децентрализации, воплощенные в очень оригинальную форму, проводит самая новая демократическая конституция — испанская 9 декабря 1931 года. Она провозглашает Испанию единым государством, совмещающим, однако, ограниченную областную автономию. Автономия может быть установлена парламентским актом, если население известной области, имеющей исторические, духовные и экономические отличия, по предложению большинства муниципальных советов общин, представляющих 2/3 избирателей области, на плебисците большинством 2/3 голосов выскажется за установление автономного статута (ст. 11 и 12). Этим постановлением о плебисците конституция хотела подчеркнуть, что областнические тенденции должны подчиняться демократическому принципу. Федеральных связей автономных областей конституция не допускает ни в каком случае (ст. 13). Установляя все эти ограничения, испанское Учредительное Собрание стремилось «не подрывать единства национального, а также экономической и социальной мощи государства».

Очень знаменательно, что чехословацкая конституция 24 февраля 1920 года — несомненно, одно из лучших произведений юридической мысли — построила свою страну на строго унитарном принципе, хотя, как показывает уже самое название республики, она включает два почти равночисленных народа, имевших в истории свои независимые государства. Кроме того, конституция (§ 7) уничтожила существовавшие областные законодательные палаты (ландтаги) в Богемии, Моравии, Силезии. Эпически просто об'ясняет известный чешский юрист Юрий Гежзель в статье, написанной в 1920 г., причины этого решения: «наше небольшое государство не выдержало бы дальнейшего продолжения законодательной деятельности различных сеймов». Спустя 16 лет, один из творцов конституции, президент Э. Бенеш, в речи о чешско - немецких отношениях, произнесенной летом 1936 г. в Райхенберге, высказавшись за «разумную децентрализацию», связанную с административным и хозяйственным самоуправлением, категорически отверг такие готовые формулы для решения национального вопроса, как автономия и федерация. Исключение в Чехословакии сделано для Прикарпатской Руси — области, как

говорит конституция, «добровольно присоединившейся к Чехословакии». Этой области, в силу Сен-Жерменского мирного договора, предоставлена областная автономия, совместимая с единством Чехословацкой республики» (§ 3). Однако, доныне сейм Прикарпатской Руси еще не собирался.

Для самого восстановления Польши, как независимого государства, идеологическим основанием послужил принцип самоопределения народов. Морально оправдано поэтому требование о применении этого начала и во внутреннем устройстве нового, далекого от национального монолита, государства. По оффициальным польским данным (Статистический Ежемесячник, 1922 года № 5) и через год после опубликования первой конституции (17 марта 1921 г.) в Польше поляков было лишь 69%, а 31% — «иных». Однако, ряд областей к востоку от Сана оказывается так густо и сплошь населен этими «иными» («русинами»), что по той же статистике в Тарнопольском воеводстве их 56%, в Станиславском — 84%, в Полесье — 78%, на Волыни — 85%. Среди шести проэктов, представленных «уставодачному» сейму, был проэкт проф. Бузека, предложившего федеративное устройство Польши. Однако, сейм создал унитарное государство, отвергнув домогательство Галиции об автономии и допустив лишь скромное самоуправление воеводств и поветов (конституция 17 марта 1921 г.). Само собою, что на началах унитаризма и централизма построена новая конституция Польши 23 апреля 1935 года, провозглашающая, что единая и неделимая государственная власть сосредоточивается в лице президента республики, на котором лежит ответственность перед Богом и историей за судьбы государства.

В Югославии, в ее, до 3 октября 1930 г., именовании Королевством сербов, хорватов и словенцев весьма выразительно подчеркивалось значение, и в государственной структуре, основных ее народностей. Тем не менее конституция 28 июня 1921 года, выработанная «Уставнотворною скупщиною» создала новое государство унитарным и централизованным. Составители ее стояли за полный разрыв с историзмом, областничеством и племенными тяготениями. А новая конституция, октроированная 3 сентября 1931 г., с особою силою подчеркивает основное начало ее: единство и государственную целостность.

Основной закон Союза советских социалистических республик 1924 года, как и «Сталинская» конституция 1936 г., в еще большей мере псевдофедеративен, чем были псевдо - конституционны Основные законы 23 апреля 1906 г.

Компетенция Союза, по действующей конституции почти всеоб'емлюща, охватывая всю экономику и финансы. Ведомство союзных республик, независимое от комиссариатов СССР, ограничивается делами внутренними, юстицией и местной культуры. Однако, «республики» лишены того, что имело даже наше губернское земство, — собственного бюджета. Проект 1936 г., ныне ставший законом, еще суживает эту скромную компетенцию, отнеся и юстицию и внутренние дела под начало союзно-республиканских комиссаров и оставив в исключительном управлении союзных республик лишь дела просвещения, местной промышленности, коммунального хозяйства и социального обеспечения, на основах, установленных СССР. Советский государствовед проф. Г. С. Гурвич по поводу конституции 1924 г. отмечал, словами Ленина, что одна из самых значительных черт советской федерации — ее способность быть «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций». «Полное же единство» можно понимать, как «единую», централистическую республику. Эта черта в конституции 1936 года получает, как видим, дальнейшее и весьма значительное выражение.

Пресловутое право свободного выхода каждой из республик из Союза (ст. 4 прежней конст. и ст. 17 новой) вводит в заблуждение даже западных ученых. Между тем, сами советские государствоведы (напр. проф. Д. А. Магеровский) признают, что это есть лишь декларация. А проф. Гурвич указывает, что свобода национальностей обеспечивается не федерацией, а «пролетарским существом советского государства, опровергая предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централизация». Несомненно, что такой важный шаг, как выход из Союза мог быть решен только верховным органом союзной республики — с'ездом советов. Но декреты, постановления и распоряжения с'езда советов союзных республик могли быть отменяемы ЦИК-ом СССР (ст. 20). Следовательно «выход» и прежде мог быть не по свободной воле, а лишь с разрешения ЦИК СССР. Конституция 1936 г. делает и в вопросе о выходе дальнейший шаг по пути укрепления единства. Все союзные республики поименованы (ст. 13), территории их установлены и области, в них входящие точно перечислены (ст. 22-23), определено не только устройство высших органов республик (ст. 79-93), но и местных (ст. 94-101). Наконец, предписывается, что конституция союзной республики должна быть построена в полном соответствии с конституцией СССР (ст. 16). Завершается текст конституции постановлением, что за изменение конституции должно высказаться не менее 2/3 голосов каждой из палат Верховного Совета СССР (ст. 146). И так как «свободный» выход каждой из союзных республик в корне меняет всю конституцию СССР, то для такого ее изменения, для «выхода» нужно квалифицированное большинство союзного парламента. Столь привлекающий на Западе «свободный» выход — только декларация, если не блеф.

IV.

Послевоенные конституции создавались под сильнейшим влиянием идеи национального самоопределения народов. Эта идея не нашла, однако, как

мы только что видели, заметного выражения во внутреннем устройстве государств. Международное положение вновь строившихся и перестраивавшихся стран в незамиренном после войны мире и реальное соотношение сил внутри стран были таковы, что обеспечить государству крепость, порядок и благосостояние было возможно или путем отказа от федерализма, или путем сведения его к весьма скромным размерам. Да и самое понятие федерализма, как указывалось уже выше, приобретает совсем иной смысл.

Наступившая вскоре во многих странах эпоха авторитарных режимов и диктатур совершенно уничтожила федерации и автономии. «Фюрер» и «канцлер» Гитлер, также как и канцлер Дольфус, едва пришли к власти, как прикончили в Германіи и Австріи, вместе с демократией, и федерацию. Нельзя здесь не вспомнить характерный факт, что в опубликованных перед походом Муссолини на Рим «пунктах» второй из них гласил: «восстановление итальянской республики; децентрализация правительственной власти; автономия областей». Этот обет дуче, как и мн. другие, оставил без исполнения.

Первое заключение, которое мы должны сделать из всего сказанного — что вопрос о федерации и автономии неразрывно связан с демократией. Ею только он и ставится. И это потому, что положительное решение этой проблемы — проведение в государственном устройстве федерального начала, как говорит П. Н. Милюков, и ведет к осуществлению демократических принципов. Второе заключение — федерация возможна только лишь в великой державе. «Небольшому государству», воспользуюсь словами Гензеля, «не выдержать федерации». Для послевоенной Европы типичны небольшие государства. Но двадцать послевоенных лет с особой убедительностью подтвердили, что не только в военном, но и в экономическом отношении крупные государства имеют весьма значительные преимущества, перед малыми. В этом, быть может, главная причина создания суррогатов вликих держав: Балканское соглашение, Малая Антанта, Римское соглашение (Италия, Венгрия, Автрия) и др.

И те национальности и области России, которые будут претендовать в будущем устройстве Российского государства на политическую децентрализацию, не заносясь патриотизмом собственной колокольни, должны, в заботах об устройстве родных краев, помнить также об общем отечестве — России, об укреплении ее политической, экономической и социальной мощи. Ибо в силе России — и лишь **России демократической** — залог и самого существования и преуспеяния ее будущих федеративных и автономных частей.

А. Лазаренко.

М. Н. АБАЦИЕВ

Идея солидарности народов Кавказа

Национальное государство, как и семья, является естественной формой организации человечества, однако принцип национального государства в истории редко осуществлялся. Вся история человечества — это борьба одних народов за преобладание над другими народами. Последняя война и победа великих демократий под лозунгами: свободы, равенства и самоопределения народа ничего не изменили: мир попрежнему разделен на 1) 5-6 властвующих народов и 2) сотни подвластных и зависимых народов. Не успев еще залечить старых ран, мир опять готовится к войне. Германия, Италия и Япония проводят непосильные вооружения, готовясь к новому переделу. Англия, Франция и Россия тратят фантастические суммы для сохранения своих империй. Правда, мы всюду встречаем такие выражения, как «национальное правительство», «национальная армия», «национальные интересы» и т. д., но идея национального государства никогда не была в таком пренебрежении, как сейчас, примером чего может служить хотя бы завоевание Абиссинии Италией или Нюренбергская речь Гитлера с̄ упоминанием об Урале, Сибири и Украине.

Какие же причины препятствуют торжеству национального идеала?

Мы знаем, что помимо национальной идеи мир волнуют проблемы расовые, религиозные, династические, социальные и экономические, однако все это было бы разрешимо и совместимо с идеей национального государства, если бы методы разрешения международных вопросов были бы более совершенны.

Человечество может похвалиться величайшими достижениями во многих областях своей деятельности, за исключением области международных отношений. Здесь, как и во времена пещерного человека, насилие является почти исключительным методом разрешения важнейших проблем.

В международных отношениях нет арбитра, и победитель может взять с побежденного все, что хочет. Он не только вознаграждает себя за прошлые обиды и потери, но старается обеспечить себя и на будущее, взыскивая долги, захватывая чужие земли, вводя унизительный для побежденного контроль и т. д. и тем готовя почву для новых столкновений. В таких случаях национальный вопрос не разрешается, а только переносится с одной стороны границы на другую. Народ, бывший в угнетении и ставший победителем, применяет к побежденному те же методы притеснения, против которых он сам еще недавно протестовал. После разгрома центральных империй в Европе образовался ряд государств

с нарушением принципа национального государства. Для примера можно взять Польшу. Будучи под властью России, поляки жаловались на угнетение, а попав в стан победителей, они захватили земли с чуждым населением и нарушают права меньшинства. На этом примере видно, как легко национализм превращается в империализм. Причина этой метаморфозы отнюдь не в качестве польского народа (все так действуют), а исключительно в стихийности исторического процесса, в отсутствии авторитетного арбитра, в насилии, как методе разрешения международных проблем. Часто войну идеализируют, как облагораживающее явление. Во время войны отдельные личности, исполняя свой долг перед обществом и государством, совершают благородные поступки и подвиги вплоть до самопожертвования, но в отношениях между народами война занимает такое же место, как самосуд в отношениях между личностями.

Международным самосудом нельзя служить ни миру, ни справедливости, и можно с уверенностью сказать, что пока война будет основным способом разрешения международных вопросов, мир не выйдет из заколдованного круга соперничества, противоречий и антагонизма.

Народы Кавказа не делают исключения из общего правила. Несмотря на это, многие кавказские политики выдвигают идею независимого Кавказа, основанную на солидарности его народов.

Желательность солидарности, будь то зависимый или независимый Кавказ, не требует доказательств. То, что этой солидарности не было, не может служить доказательством того, то ее не будет. Однако реальный политик должен беспристрастно изучить прошлое и установить причины, делавшие эту солидарность невозможной. Это сократит размах нашей фантазии и поставит нас на реальную почву.

Под солидарностью народов Кавказа надо понимать известную психологическую связь между ними или точнее: сознание общности интересов, проявленное в действиях. Какие - же интересы об'единяют народы Кавказа? Природа? Обычаи?

Природа действительно общая, но как раз она то мешает сближению между народами Кавказа, отделяя друг от друга непроходимыми горами и перевалами, покрытыми снегом 8 месяцев в году. В то время, как десятки народов на русской равнине (не исчезли, конечно, а) смешались с русскими славянами на протяжении 7-8 столетий, на Кавказе есть народцы в 5-10 тысяч человек, живущие тысячелетиями в природной изоляции и говорящие на своих языках.

Нравы и обычаи? Но разве они препятствовали возникновению войн на Кавказе? У испанцев тоже общие обычаи и природа.

Оглядываясь на прошлое, мы легко обнаружим причины, игравшие руководящую роль в отношениях между народами Кавказа. Это проблемы расовые, религиозные, территориальные, династические, социальные и экономические. Эти проблемы и определяли отношения между народами Кавказа как и всего мира. В истории Кавказа бывали временные союзы между теми или другими народами для достижения определенных целей, но солидарности между всеми народами Кавказа, как длительного явления, никогда не было. При завоевании Кавказа Россия широко пользовалась антагонизмом между народами Кавказа, в особенности вековой враждой между мусульманским Дагестаном и христианской Грузией. Это признается всеми. Но для большей убедительности я сошлюсь на мнение политиков, стоящих за независимый и солидарный Кавказ.

Проф. Михаил Церетелли пишет: «Племенные и религиозные различия кавказских народов препятствовали достаточно проявиться сознанию их солидарности и родства интересов. Вместо взаимной поддержки они часто вступали в братоубийственную борьбу». «Когда растерзанная Грузия в течение четырех веков (XIII - XVIII) боролась с Персией и Турцией, многие кавказские мусульмане были ей не союзниками, а врагами и, наоборот, в борьбе мусульман с Россией грузины были в русском лагере («Кавказ» № 2 февр. 1934).

Еще определеннее высказывается Шалва Карумидзе: «Основным нашим недугом и нашей слабостью был наш разброд и желание использовать чужеземную силу, в данном случае Север (Россию М. А.) в наших междусоседских кавказских отношениях. Мы не могли создать не только общекавказского об'единения для борьбы за единый независимый Кавказ, но даже самой идеи этой борьбы» («Кавказ» № 8-32, август 1936).

Но если солидарности между народами Кавказа не было до завоевания его Россией, то, значит, идея этой солидарности могла зародиться только в последующий период. Мы сейчас проследим, почему это стало возможным.

Проникновение России на Кавказ началось с Иоанна Грозного, женатого на кабардинской княжне и поддерживавшего кабардинцев против других горцев.

Затем Грузия была вынуждена искать покровительства и защиты у русских царей против Персии и Турции. Следя за всеми попытками России вмешаться в кавказские дела, мы заметим постепенный рост ее агрессивности. Сначала интриги (Иоанн Грозный), затем бессильное желание (Федор Иоаннович), затем безрезультатные походы (Петр I, Зубов) и, наконец, долгая, ожесточенная война и утверждение России на Кавказе. Обстановка для проникновения России на Кавказ была давно приготовлена, и многие неудачи ее на этом пути об'ясняются исключительно: 1) отдаленностью Кавказа, 2) недостатком технических средств и 3) внешними и внутренними осложнениями, отвлекавшими внима-

ние России от Кавказа. Покорение Кавказа закончилось в 1856 г. (плен Шамиля) и в 1864 г. (покорение черкесов), но действительное утверждение России на Кавказе началось в 1877 году.

Началась новая эпоха в жизни Кавказа. Это стало возможно по трем причинам: 1) уничтожение соперников — Персии и Турции, сведенных на степень третьестепенных держав, 2) технический прогресс XIX века, главным образом, железные дороги, пароходы и телеграф.

3) Универсализм XIX века, сделавший образование достоянием масс. Это обстоятельство позволило России дать образование широкому кругу кавказцев, которые и были проводниками русской культуры на Кавказе и живой связью между Кавказом и Россией.

Установив твердые границы и мир на Кавказе, Россия выделила его из общего русского управления и подчинила Наместнику Его Величества на Кавказе. Русские государственные деятели, поэты, писатели, ученые, художники — всегда подчеркивали культурную обособленность Кавказа. Сами кавказцы, побывав в России, убеждались, что они понимают друг друга лучше, чем русских, что в отличие от русских, у них много общего в быту, нравах и обычаях.

Возникает вопрос, почему же быт, нравы и обычаи не об'единили нас, кавказцев, в эпоху нашей независимости.

Потому, что **тогда** наши отношения определялись преблемами международными: расовыми, религиозными, территориальными и т. д.

Теперь эти проблемы были из'яты из наших национальных юрисдикций и переданы в юрисдикцию общегосударственную. Не от нас зависело разрешение этих проблем, и война между нами стала бессмысленной и невозможной.

С другой стороны уничтожение междунациональных границ дало народам Кавказа возможность мирного общения. Появились общегосударственные учреждения, совместная служба в различных ведомствах, общий суд и административная иерархия с центральными учреждениями во главе, пути сообщения, общие деньги, свободная торговля и, наконец, общая школа и общий язык, т. е. Кавказ вошел в общий государственно - культурно - экономический оборот. Я умышленно не упомянул, что все эти учреждения были русскими, чтобы подчеркнуть в данном случае их об'ективную роль. Все они могли быть плохими или хорошими, но действовали они только в одном направлении: вовлекали народы Кавказа в одно государственное русло и тем пробуждали сознание общности наших интересов.

Хотели того русские или нет, нравилось это народам Кавказа или нет — эти учреждения действовали в указанном направлении при всех обстоятельствах, как об'ективный фактор

Конечно Россия не могла дать Кавказу больше того, что она сама имела. Примитивный военно-полицейский режим на Кавказе не вызывает двух мнений. Однако, справедливость требует отметить, что мы критиковали его, главным образом, на почве общего русского освободительного движения, к которому примыкала вся кавказская интеллигенция.

Освободительное движение закончилось революцией и попытками отделения Кавказа (вернее Закавказья) от России. Эволюция отношений между народами Закавказья представляет большой принципиальный интерес и ее можно проследить по книге проф. Авалова: «Независимость Грузии в международной политике».

Эволюция эта совершилась в 4 этапа.

1) «Озаком» — особый закавказский комитет — беспомощное создание Временного Правительства.

2) «Закавказский комиссариат», само название которого говорит, что а) психологическая связь с Россией не изжита, и б) имеется на лицо стремление сохранить общую государственность.

3) «Кавказская федеративная республика» — здесь связь с прежней Россией прерывается, вследствие большевистского переворота, но продолжает оставаться стремление сохранить общую государственность.

4) Независимые Грузия, Армения и Азербейджан — потеря общей государственности.

Через этот короткий период красной нитью проходит постепенное расхождение между народами Закавказья. Когда представители Грузии, Армении и Азербейджана под председательством Ванситтарта собрались в Сан-Ремо, чтобы окончательно сговориться, в этот момент они окончательно разошлись.

Причины этих расхождений очевидны: перед независимыми народами Закавказья вновь стали проблемы расовые, религиозные, экономические, территориальные и социальные, всегда приводившие к антагонизму.

С самого начала Азербейджан потянулся к единоверной Турции. Армения между Азербейджаном и Турцией почувствовала угрозу своему физическому существованию. Грузия по своему географическому положению, численности и напряженности политической жизни была в наилучшем положении и ей, конечно, не выгодно было связываться с обреченной Арменией.

Нельзя не отметить чрезвычайного значения для Закавказья Тифлиса и Батума. Армения имела выход к морю из Эривани через Тифлис и Батум. Азербайджанские жел. дороги и нефтепровод выходили тоже через Тифлис в Батум. Эти могучие экономические факторы ставили (и всегда поставят) Армению и Азербайджан (будь то Закавказская федерация или независимые народы) в неминуемую зависимость от Грузии. Были и другие жгучие проблемы: 1) захват и грузинизация южной Осетии, 2) захват Грузией Абхазии, 3) проблемы Бор-

чалинская, Закатальская и аджарская, а также щекотливая проблема армянского меньшинства и их имуществ в Тифлисе. Не будем пытаться разрешить эти больные и сложные вопросы. В данном случае важно установить, что проблемы эти были и что они никак не были разрешены.

Отсутствие арбитра, хотя бы и плохого, привело к тому, что общая государственность народов Закавказья, унаследованная от России, была принесена в жертву частным национальным интересам, а вновь возникший антагонизм лишний раз способствовал гибели независимости народов Закавказья, на этот раз под ударами красной армии.

Ни один из народов Кавказа не может отделиться от России без других народов. Для достижения этой цели между ними необходима солидарность. А прошлое нас учит, что солидарность народов Кавказа была несовместима с их независимостью. Перед независимым государством Кавказа всякий раз вставали и встанут эти роковые, расовые, религиозные, территориальные и другие проблемы, осложненные влиянием конкурирующих империализмов, и всегда приводившие их к антагонизму.

И в будущем всякая попытка основать независимость Кавказа на солидарности его народов, несмотря на всю привлекательность и кажущуюся простоту этой идеи, должна кончиться неудачей. Не потому, что народы Кавказа не хотят этого или не обладают необходимыми для этого качествами, а исключительно потому, что такова природа отношений между независимыми народами. Последние являются естественными антагонистами. Всякий кавказец, искренно стремящийся к независимому и солидарному Кавказу, должен переживать трагедию несовместимости этих начал.

В этом отношении характерна статья С. Кедия («Кавказ» № 1, Париж янв. 1934 г.), где он признает, что: «нашествия всегда застигали кавказские народы неспаянными чувствами взаимной солидарности, без всякого понимания общности их национальных интересов». Далее С. Кедия косвенно признает организующую роль русской государственности — «распад русской империи произошел раньше времени для народов Кавказа и в результате получился полный разброд ориентации. Одни ориентировались на абстрактные доктрины и на демагогов, другие на соседей с юга, а третьи опять на Россию. Это были три непримиримые воли, три миропонимания, три враждебных силы, которые раздирали между собой и взаимно натравливали друг на друга руководимые ими народы Кавказа».

Еще печальнее высказывается в том же номере «Кавказа» г. Джейхун-бей. Во время независимости народов Закавказья в 1918-1921 г.г. «Кавказские дипломаты» . . . «превратили свои территориальные требования к друг другу в форменные войны между собой». Говоря о кавказских эмигрантах, стремящихся сочетать независимость и солидарность народов Кавказа, г. Джейхун-бей приходит к печальному выводу. Ему «факты доказывают, что бумажных пактов можно заключить сколько угодно, но когда в душах нет подлинной веры, то слова не претворяются в действия, цена им грош. Для того, чтобы кавказские народы были в состоянии завоевать вновь и удержать навсегда свою свободную и независимую жизнь, нужен прежде всего **пакт духовный**». Этими словами прошлое осуждено и г. Джейхун-бей должен начинать сначала, с азбуки. Но стоит ли? Хотя слова г. Джейхун-бея и подкупают своей искренностью и прямотой, но мы не можем разделить его пессимизма: «Нам незачем мечтать о духовном пакте». Оглядываясь на прошлое, нетрудно вспомнить время, когда мы не «превращали территориальные требования друг к другу в форменные войны», а, наоборот, мы мирно общались, беспрепятственно раз'езжая по Кавказу и далее — по всему необ'ятному государству. У нас была общая государственность. Мы совместно работали, служили, производили, торговали. Мы учились в одной школе, говорили на общем языке, проникались одними идеалами и сознанием общности наших интересов.. Да это было время «духовного пакта», но, к сожалению, эта эпоха со временем независимости народов Кавказа не совпадает.

М. Абациев.

А. А. АЛЕКСАНДРОВ

Проблемы социального законодательства

Последний год был временем бурного роста социального законодательства. Всем памятны события во Франции, разыгравшиеся в июне минувшего года. Острый социальный конфликт, потрясший всю страну, получил свое разрешение в так называемом «матиньонском» соглашении, заключенном между представителями Генеральной Конфедерации Труда и Генеральной Конфедерации предпринимателей, которое установило ряд принципиальных положений социального права, впоследствии нашедших свое оформление и разработку в законодательных актах.

Франция не была единственным местом расцвета социального законодательства. Укажу на С. Ш. С., до последнего времени стоявшие особняком в отношении рабочего движения и законодательства. «Нью - Диль» Рузвельта начал новую эпоху в рабочем вопросе, посеял первые семена социального права, давшие обильные всходы на девственной, дотоле подчеркнуто - «индивидуалистической» американской почве. Борьба двух фигур символизирует столкновение двух начал, двух миров: Джон Льюис и Генри Форд — принципы социальный и индивидуалистический, нового порядка, построенного

на социальной солидарности и коллективной организации масс, при активной роли государства, и традиционного «капиталистического» понимания общественных отношений.

Я не задаюсь целью дать исчерпывающую картину социального законодательства последнего времени и затрону в своей статье только спорные стороны некоторых проблем (коллективные договоры, синдикальное право, институт заводских делегатов, примирение и арбитраж).

Ряд вопросов первостепенной важности я сознательно обойду молчанием: это те вопросы, где нет принципиальной новизны, а имеется лишь дальнейшее развитие давно принятых начал — такова, напр., проблема 40-часовой рабочей недели. Принцип ограничения времени установлен много лет назад. Формы и модальности его осуществления входят в компетенцию экономической науки, которая должна определить степень зрелости и подготовленности народно - хозяйственного организма для применения той или иной меры этого ограничения.

Начну с коллективных трудовых договоров, в которых, как в фокусе, пересекаются главнейшие проблемы социального законодательства.

Статья 31 кодекса труда (закон 1919 г.) гласит. «коллективные договоры заключаются профессиональным союзом рабочих или любым об'единением рабочих с отдельным предпринимателем или союзом предпринимателей и задача их регламентировать условия труда в данной отрасли промышленности».

Старый французский закон 1919 г. о коллективном договоре был построен на либеральном принципе добровольного участия сторон, он не носил обязательного характера и действие его было ограничено. Несогласный с коллективным договором член синдиката должен был в 8-ми дневный срок покинуть союз, заключивший коллективное соглашение. Коллективные договоры старого типа были слишком хрупкими, чтобы охватить всю сложную сеть трудовых отношений. Они во Франции не получили заметного распространения.

На иных началах построен недавний закон 20 июня 1936 года, который характеризует общий смысл происходящей эволюции и перестройки социально - экономической структуры. «Министр труда — читаем мы в тексте закона — по требованию рабочего или предпринимательского синдиката — наиболее влиятельного, созывает смешанную комиссию в целях заключения коллективного договора, регулирующего взаимоотношения рабочих и предпринимателей данной отрасли промышленности или торговли в определенной области или во всей стране». Далее читаем — «постановления этого договора могут быть об'явлены министром труда обязательными для всех служащих и предпринимателей данной профессии».

Таким образом, коллективный договор фактически становится обязательным для всех лиц — и рабочих и предпринимателей — связанных с определенным производством, хотя бы они не входили в синдикаты, которые заключили соглашение, и стояли в стороне от переговоров.

Тенденция нового закона ясна—от «либеральной» свободы взаимоотношений к принудительному регламентированию при признании преобладающей роли государства, выступающего посредником между организованными силами труда и капитала.

Закон предусматривает вопросы, которые **обязательно** должны фигурировать в коллективном договоре. Эти пункты представляют собой главнейшие моменты социального вопроса.

Это прежде всего **признание синдикального права,** затем, установление института заводских делегатов, определение минимума заработной платы и процедура арбитража для рассмотрения затруднений, могущих возникнуть при применении договора.

Синдикальное право заключается в признании за рабочими полной свободы мнений и права входить или не входить в любые организации. Принадлежность к тому или другому синдикату не может служить причиной к отказу в работе или увольнения рабочего. Еще недавно в С. Ш. С. А. существовало такое положение вещей, при котором предпринимать мог потребовать от рабочего **подписки о невхождении** в рабочую организацию.

С другой стороны, некоторые синдикальные круги склонны толковать синдикальное право в смысле присвоения за синдикатами монопольного права устраивать на работу только синдицированных рабочих.

Такое понимание «синдикального права» формулировал недавно секретарь французского синдиката строительных рабочих — «теперь ни один рабочий не может получить работу, если он не в добрых отношениях с СЖТ. Для нас, продолжал он, синдикальное право это только возможность для наших членов находить работу».

Едва ли требуется долго доказывать, что такое понимание синдикального права есть по существу его отрицание. Оно сводится к принудительному включению в профессиональные организации и противоречит основным принципам демократического правопорядка. Неслучайно обязательное вхождение в синдикаты, связанное с правом получения работы, является органической чертой всех тоталитарных режимов.

Если во Франции синдикальное право, в смысле синдикальной свободы, является старым и прочным завоеванием рабочего класса (со времени закона 1884 года о профессиональных союзах) и лишь подтвержденным последними законодательными актами, то небезынтересно отметить, что в С. Ш. С. А. лишь совсем недавно это элементарное право было признано за рабочими. Я имею в виду последнее решение Верховного Суда, которое

признало конституционным закон Вагнера, воспроизводящий статью 7 а НРА Рузвельта (National Industrial Recontruction Act 16 июня 1933 г.).

Текст этого закона гласит: «об'является, что С. Ш. заинтересованы в том, чтобы за рабочими было закреплено право заключать коллективные договоры. Конфликты должны будут исчезнуть, если рабочие приобретут право и полную свободу организовываться и назначать по своему выбору представителей, которые от их имени будут обсуждать с предпринимателями условия труда и размеры заработной платы».

При этом рабочими синдикатами почитаются только организации, имеющие официального секретаря и взимающие с своих членов обязательные членские взносы.

Недостаток места не позволяет набросать путь, пройденный С. Америкой в этом вопросе. Отмечу лишь, что до последнего времени синдикальное движение наталкивалось на непреодолимое юридическое препятствие в своей деятельности. Это знаменитый закон Шермана, направленный против трестов. «Всякая комбинация, в форме ли треста или всякой другой, имеющая целью создать препятствие в торговле между штатами, является запрещенной». По своеобразному толкованию этого закона Верховным Судом, всякое стремление добиться повышения заработной платы, об'явление синдикатом под бойкотом тех или иных предприятий или какие нибудь иные «меры, направленные к сокращению и затруднению циркуляции товаров», оказывались явным нарушением закона Шермана и давали право предпринимателям взыскивать с рабочих союзов фантастические суммы в возмещение убытков (в 1908 г. дело Danbury 232.240 долларов, дело компании Коронадо — 200.000 долларов и т. д.)

Закон Вагнера, как и вообще социальное законодательство Рузвельта, свидетельствует о глубокой трансформации социально-экономических отношений в С. Ш., о ломке старых представлений и о рождении психологии нового социального человека.

Далее, французский закон о коллективном договоре устанавливает **институт заводских делегатов**. Во всех предприятиях, занимающих более 10 рабочих, выбираются делегаты. Каковы задачи этого рабочего представительства? Они состоят в пред'явлении заводоуправлению требований, касающихся применения тарифов заработной платы, кодекса труда, законов и регламентов, гарантирующих безопасность и гигиенические условия труда.

Вопрос о заводских делегатах и заводских советах представляет немалый практический и принципиальный интерес. На нем стоит подробнее остановиться.

Впервые заводские комитеты были созданы в в Германии (так наз. Betriebsrat) после революции 1918 г., под несомненным влиянием русских событий. По примеру Германии, они были введены в Австрии, Норвегии и Люксембурге.

Задача их заключалась в том, чтобы приблизить рабочих к управлению, создать на предприятии «конституционный режим» на смену неограниченной власти заводоуправления. В предприятиях, имевших свыше 300 рабочих или 50 служащих, заводский совет имел даже право требовать представления торговых книг, балансов.

Возможны два метода в организации местного рабочего представительства: путем установления связи с общим синдикальным движением или совершенно независимо от него, на строго автономном принципе.

Веймарская конституция организовала выборы в заводские комитеты вне участия и влияния синдикальных организаций, о которых в ней нет упоминания.

На ином начале — признании связи и контакта между делегатами и синдикатом построен французский закон. Правда, нужно заметить, что эта связь выражена более определенно в матиньонском соглашении, § 5 которого гласит, что на предприятиях «будут учреждены два или несколько рабочих делегатов — после соглашения между синдикальными организациями или, за их отсутствием, между заинтересованными лицами». Окончательный закон более скромно указывает, что делегаты могут являться, по своему желанию, в сопровождении представителя синдиката своей профессии».

Вопрос о связи между синдикатами и делегатами является предметом спора и трактуется в зависимости от общего подхода к задачам рабочего представительства на местах в настоящем и от оценки перспектив в будущем.

Леон Жуо в своей речи 17 июня 1936 года, комментируя Матиньонское соглашение, подчеркивал всю громадную важность связи между делегатами и синдикатом. Больше того, он указал, что выборы делегатов враждебного СЖТ направления будут рассматриваться, как недействительные. «Для нас ничего не существует вне синдиката в области борьбы за условия труда».

Большая статья, помещенная в **умеренном** органе синдикализма («Синдикаты» от 22-4-1937 года) приоткрывает завесу над тем, как вожди синдикализма понимают заводскую «демократию» и какие надежды они на нее возлагают.

Делегаты, выдвигаемые синдикальной секцией, должны, в первую очередь, отчитываться перед ней. Лучшая гарантия «синдикальной дисциплины» это письмо об отставке, подписанное делегатом без проставления даты и хранимое в синдикальной ячейке, — в случае нарушения дисциплины делегат автоматически ликвидируется. А как же быть с ответственностью **перед избирателями?** Об этой элементарной азбуке демократизма просто позабыли.

Как нужно производить выборы делегатов — по отдельным ателье или всей совокупностью ра-

бочих предприятия? Вопрос кажется узко-техническим, деталью избирательной механики. На самом деле, он может приобрести большое принципиальное значение, как это имело место в остром социальном конфликте в текстильной промышленности на севере Франции. Промышленники категорически возражали против избрания делегатов всей рабочей массой, опасаясь создания эмбрионов «советской системы». Многие синдикалисты, однако же, стремятся к созданию постоянного бюро делегатов, с выбранным секретариатом, для борьбы за **общие интересы персонала,** повидимому, эвентуально возлагая на такую организацию надежды более серьезного характера, чем заботы о гигиенических условиях. Укажу в заключение этого беглого обзора одной из важных проблем, что профессор Пик считает большой ошибкой с точки зрения социального мира легализацию вмешательства синдикатов в местные отношения рабочих и предпринимателей и, наконец, приведу маленькую историческую справку. Деятельность заводских комитетов в Италии, вылившаяся местами в установление «рабочего контроля» и «социализацию» производства, явилась непосредственным толчком к приходу к власти фашизма.

В коллективных договорах должна быть также указана процедура рассмотрения затруднений, могущих возникнуть при применении договора, и порядок пересмотра. Я писал выше, что коллективный договор, как призма, преломляет в себе главнейшие проблемы рабочего права. Эта процедура содержит в себе идею примирения и арбитража. Кратким обзором этого вопроса я и закончу свою статью.

Итак, коллективный договор обязательно должен предусмотреть порядок устранения затруднений, которые всегда могут возникнуть при толковании отдельных статей договора и при применении их на практике.

Но коллективный договор может установить правила разбора всяких возможных конфликтов, хотя бы они выходили за рамки вопросов, трактуемых в договоре. Тем самым признавалась желательность полюбовного соглашения и арбитража, к которому заинтересованные стороны **могли** добровольно прибегать.

Законодатель, кроме того, приходил на помощь в случае желания сторон обратиться к арбитражу. Законом 1892 г. предлагалась организация—тип. Она создавалась для каждого отдельного случая и не носила постоянного характера. Преобладающую роль в ней играл мировой судья. Но такого приглашения к мирному разрешению конфликтов оказалось недостаточно. Пришлось выбрать более решительный путь, и действительно на другом принципе зиждется недавний закон 31 декабря 1936 года о примирении и арбитраже и декрет от 16 января 1937 г., изданный в его развитие. Тот же переход от принципа добровольности к началу обязательности, который мы отметили в законе о коллективном договоре, характеризует и этот последний законодательный акт. Вот в нескольких словах существо закона. Он устанавливает принцип, что в промышленности и в торговле все коллективные конфликты должны до об'явления забастовки и локаута поступать на рассмотрение примирительных камер и арбитражных комиссий. В случае, если коллективный договор не предусмотрел правил процедуры примирения и арбитража, вступает в силу порядок, разработанный в декрете. Закон этот принят **на один год,** как бы в виде опыта. В нем перечисляются те принципы, которые должны быть положены в основу арбитражных решений; это — право собственности, синдикальное право, личная свобода, свобода труда и синдикальная свобода. Решения арбитров должны быть мотивированы, и они безапелляционны. Характерно, что в законе совершенно нет упоминания о СЖТ в то время, как в правительственном проекте за СЖТ признавалось монопольное право представительства рабочих. Под давлением Сената в законе глухо говорится о «сторонах», без дальнейшего уточнения, а декрет вводит уже известное нам понятие конфедерации наиболее «репрезантативной». Не вдаваясь в подробности, перейдем к самой процедуре. Декрет устанавливает три инстанции примирительных камер, построенных на паритетных началах, под председательством представителя государства. В случае неудачи примирительных попыток последняя инстанция — национальная междупрофессиональная примирительная комиссия, в которой председательствует заинтересованный министр, составляет протокол, фиксирующий пункты расхождения, и приглашает стороны указать общего арбитра или каждую — своего арбитра.

Конфликт переходит из первой стадии — обязательной попытки примирения — во вторую стадию — обязательного арбитража. Списки арбитров и сверхарбитров заранее составляются конфедерациями и регистрируются Высшим Экономическим Советом.

В случае краха арбитража председатель совета министров назначает сверхарбитра из числа высших чиновников.

Перейдем к наиболее интересующей нас сейчас **принципиальной** стороне обязательного арбитража.

Идея обязательности встречает критику и слева и справа. Критика эта одинаково исходит из признания особой юридической природы закона об арбитраже и самых арбитражных решений.

Особенность и закона, и решений состоит в том что они **лишены санкций.** Не предусмотрено никаких наказаний в случае нарушения арбитражных постановлений (иначе обстоит дело в странах диктатуры, в которых вообще социальная проблема ставится в иной плоскости и заслуживает особого изучения).

Вторая особенность арбитража — его **произвольность.** В противоположность судье, задача ко-

торого применять общие заранее установленные и связывающие его нормы к отдельному частному случаю, арбитр — полный суверен, который должен считаться только с общими принципами. Он не руководится соображениями соответствия какому-либо кодексу, ибо имеет дело с текучей «фактической материей», не поддающейся предварительной нормировке. Как установить, с какого уровня заработная плата становится угрожающей для интересов производства и т. д. и т. д?

Здесь почти невозможно исходить из об'ективных критериев, все зависит от личного усмотрения арбитра — «l'arbitrage c'est l'arbitraire», таков афоризм одного критика, повторяющего Ж. Сореля.

Этот левый синдикальный автор (Р. Лузон) считает арбитраж институтом фашистским по своей природе. Ведь фашизм, по самому определению, есть произвол во всех областях, где воля вождя заменяет авторитет закона. И критик недоумевает — как могло случиться, что под различными и противоположными этикетками все партии и режимы идут сегодня в одном направлении — в сторону произвола и диктатуры.

Справа раздаются голоса осуждения арбитража, считающие его недейственным, т. к. он лишен санкций и опасным, потому что возбуждает социальные аппетиты. Опыт, де, показал, что арбитр склонен выносить компромиссные решения. Поэтому стороны пред'являют требования **с запросом**, и тем самым, вместо полюбовного примирения, число конфликтов множится.

До самого последнего времени синдикальное движение относилось отрицательно к идее обязательного арбитража. Еще в 1929 г. СЖТ требовало только установления обязательного **примирения.**

Нужно отметить, что послевоенная экономика создала более благоприятный «климат» для обязательного арбитража. При господстве либеральной экономики, построенной на законе спроса и предложения, рабочий класс не хотел отказываться от оружия, гармонировавшего с тогдашней экономической обстановкой, — от забастовки.

Сейчас создаются иные условия. Обязательный арбитраж есть логическое добавление к коллективным договорам, получившим широкое распространение, и он лучше подходит к принципам управляемого хозяйства, контуры которого все яснее вырисовываются.

И на последнем заседании национального комитета СЖТ Жуо отстаивал идею обязательного арбитража, призывая рабочий класс к лойяльному выполнению арбитражных решений и к отказу от поспешных, необдуманных забастовок, особенно против вынесенных арбитром решений.

Конечно, в социальной области необычайно трудно осуществить три требования одного французского журналиста — судей, кодекса и жандармов.

Но несомненно в эту сторону — миролюбивого разрешения конфликтов с соблюдением общих интересов коллектива — должны быть направлены сознательные усилия общества.

Александр Александров.

П. Ф. ГАВРИЛОВ - БУЯР

Жилищная политика в Советской России

Советская власть, задавшись целью провести индустриализацию и техническую реконструкцию всего народного хозяйства, приступила к сооружению новых гигантов, фабрик, заводов, шахт, рудников и путей, и тем самым поставила вопрос о создании тысяч новых производственных центров, вызвав этим бурный рост старых и строительство новых городов и рабочих поселков.

В настоящее время насчитывается по всему Союзу 770 городов и более 2000 рабочих поселков городского типа. Общее городское население по сравнению с 1914 годом увеличилось почти вдвое и теперь возросло до 48 миллионов жителей, что составляет уже около 30% населения страны.

Стремительный прилив населения в городские центры вызвал необычайное скопление населения городов, создавая невероятную скученность в квартирах со всеми последствиями, с нею связанными.

Нужно сказать, что по остроте жилищного кризиса довоенная Россия стояла на уровне самых отсталых стран. Одной из главных причин этого кризиса являлся недостаток свободных капиталов, значительно замедлявший строительство жилищ, вследствие чего количество строющихся домов отставало от потребности в них.

За время гражданской войны из строя выбыло около 14% жилой площади и весь жилой фонд к концу войны составлял около 130 миллионов кв. метров.

К началу первой пятилетки (1928-29 г.г.) восстановленный и нововыстроенный жилой фонд имеет общую площадь до 160 миллионов кв. метров.

По исчислению Госплана, чтобы обеспечить городское население минимальной нормой жилища, необходимо было выстроить в течение первой пятилетки около 100 миллионов кв. метров. Мы знаем, что затрата на это строительство не превзошла и 5 миллиардов рублей, была выстроена лишь одна треть этой необходимой жилой площади и размеры ее на одного человека к концу первой пятилетки не повысились, а понизились.

В настоящее время в промышленных центрах наблюдается невероятная скученность населения, доходящая в некоторых городах до 4 кв. метров на душу, и в квартирах, населенных беднотой, до 4 че-

ловек на комнату, в то время, как минимальная норма, отвечающая санитарно - гигиеническим требованиям, равна 8 кв. метрам.

Во второй пятилетке предполагалось увеличить об'ем строительства по крайней мере в три раза. Однако, сейчас жилая площадь достигла приблизительно 260 миллионов кв. метров. План второй пятилетки по коммунальному жилищному строительству выполнен только на 52,1%. Жилищный кризис нисколько не смягчен.

Рост жилой площади с трудом поспевает за ростом городского населения и жилищная нужда не уменьшается — размер жилой площади не превышает в среднем около 5,4 кв. метра на человека.

Чтобы добиться нормальных жилищных условий, считая в дальнейшем прирост городского населения только на 4%, принимая во внимание выбытие зданий, вследствие изношенности, равной 0,5%, а также учитывая убыль строений от пожаров, потребовалось бы в течение будущих пяти лет возвести более 250 мил. кв. метров жилой площади, стоимость коей нужно считать не менее 25 миллиардов. Такое огромное капиталовложение на одно только жилищное строительство явно немыслимо при создавшихся условиях и этот вопрос не может быть разрешен в ближайшем будущем.

Жилищное строительство в советской России осуществляется главным образом за счет государственных средств и находится в прямой зависимости от индустриального развития страны, причем роль государства, как собственника и хозяина, требует активного вмешательства в хозяйственную жизнь страны, единого организованного государственного руководства и планового начала.

В отличие от капиталистических стран, в советской России проведена национализация и муниципализация земельного и жилищного фондов. Город в установленной черте является полным хозяином земли, необходимой для застроек, благодаря чему устраняется земельная спекуляция, обычно давящая тяжелым бременем на жилищное хозяйство.

Обобществленный сектор, который является по своему удельному весу решающим, ибо он сосредотачивает наиболее крупные и ценные дома, представляет собой единую социалистическую собственность, включающую в себя, как государственную, так и кооперативную собственность на жилые строения.

Большая часть жилищного фонда муниципализирована и находится под контролем или в непосредственной эксплоатации коммунального отдела, за исключением той национализированной части, которая состоит в распоряжении государственных учреждений, железных дорог и промышленных предприятий.

Жилищное строительство в настоящее время осуществляется прежде всего за счет государственной промышленности. Из 13,4 миллиардов рублей, намеченных по плану второй пятилетки, около 60% капиталовложений принадлежит промышленности. Кооперативная собственность составляет до 20% общих размеров жилой площади.

Заметный рост кооперативного жилищного строительства об'ясняется тем, что промышленные предприятия передают свои средства кооперативам с целью удовлетворения жилой площадью кооперированных рабочих, и во второй пятилетке намеченный об'ем строительства жилкооперации выражается площадью в 45 миллионов кв. мтеров.

Советское правительство в целях мобилизации средств населения в новое жилищное строительство способствует развитию жилищно - строительных рабочих кооперативов (ЖСРКТ).

При накоплении ЖСРКТ паевых взносов в размере не менее 10% стоимости запроектированного строительства ему предоставляется долгосрочная ссуда до 60 лет со взиманием не более 2% годовых.

Земельные участки для жилищно - кооперативного строительства так же, как и для государственных организаций, предоставляются на праве бессрочного пользования. Для строительства кооперативам предоставляются на льготных условиях в потребном количестве лесные участки и карьеры для добычи камня, песка и глины.

Жилищностроительная кооперация представляет собой организацию, действующую по заданиям и, главным образом, на средства государственных учреждений.

Зависимость кооперации от субсидий и кредитов государства, возложившего на нее исполнение своих заданий, лишает ее характера свободной самостоятельной кооперации, проникнутой общественным духом и построенной на самодеятельности и активности масс населения.

Кооперативное строительство должно было бы выгодно отличаться от других способов строительства, ибо здесь об'единяются потребитель и производитель жилища. Но тем не менее недостатки, свойственные всему советскому государственному строительству, в равной мере присущи и жилищной строительной кооперации; та же безхозяйственность, бюрократизм, бессметность, отсутствие знаний, нецелесообразное использование строительных материалов и рабочей силы, низкая производительность труда, дороговизна, плохое качество и невыполнение в срок.

Для подтверждения этого достаточно просмотреть печатный орган «Жилищная кооперация».

Из постановлений июньского пленума (1936 г.) Совета Центрожилсоюза мы видим, что «поступающие с мест отдельные сведения внушают большую тревогу. Исключительная неповоротливость, отсутствие правильной организации работ, плохое качество, бюрократическая косность — вот основные причины позорного провала и невыполнения плана».

В первое время советская власть пыталась управлять всеми муниципализированными домами через коммунальные отделы советов. Централизованное управление домами велось без установленных твердых организационных, хозяйственных и финансовых норм. Громадные дефициты и наступившее разрушение жилищного фонда, эксплоатируемого коммунальными отделами заставили правительство организовать жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТ), которые были признаны лучшей формой в деле эксплоатации муниципализированных владений. В ведении городских советов обыкновенно остаются так называемые «Дома Советов». Это особые государственные хозрасчетные организации, которые управляются непосредственно коммунальными отделами. Этот маневренный жилищный фонд образуется советами в целях удовлетворения особо острой нужды в жилищах.

Перед ЖАКТ-ами была поставлена задача перейти на самоокупаемость строений с учетом затраченного на них капитала и расходов на их содержание. Жилищно-арендной кооперации предоставляются дома по договору с советами в аренду сроком от 9 до 12 лет с возложением на них ремонта и строгой ответственности за сохранность домовладений. Паевые взносы членов ЖАКТ-а составляют его оборотные средства. Регулирование бюджетов ЖАКТ-ов производилось раньше местными советами, которые связывали их инициативу и приводили их к полному обезличиванию. Во второй пятилетке был устранен огромный недостаток ЖАКТ-ов, заключавшийся в их чрезмерном укрупнении, в трестировании домов, и в настоящее время образованы в каждом доме отдельные ЖАКТ-ы с переходом их на хозрасчет. В распоряжении их оставлен весь валовой сбор квартирной платы.

В уставе сказано, что управление делами каждого ЖАКТ-а, представляющего собой об'единение жильцов для использования предоставленных им в наем коммунальным отделом муниципализированных домов, производится общим собранием его членов и правлением, но устав осуществляется на практике лишь по форме, а не по существу. В том же журнале «Жилищная кооперация» мы находим указания на то, что «массовая работа в ЖАКТ-ах развита слабо», что «живым конкретным людям уделяется мало внимания», что «как правило, процент явки на собрания очень низкий»...

Ведь нормально кооперация возникает, как свободная ассоциация, ради хозяйственных выгод их участников, на основе строго хозяйственного расчета. Советские кооперативные органы, в силу общих политических условий, являются лишь номинально выборными. Очень слаба связь кооперации с обслуживаемыми ею потребителями. Поэтому понятны заявления советской власти, что «правления ЖАКТ-ов сплошь и рядом относятся совершенно формально и бесхозяйственно к ведению домового хозяйства и культурно - бытовой работе»..., «что «правления ЖАКТ-ов и руководство жилсоюзов очень часто оказываются не на высоте положения»...

Система квартирной платы, установленная законом 1928 года, проводит политику, гарантирующую нормальную эксплоатацию жилищ. Размеры ее должны быть такими, чтобы сохранить жилища от разрушений, оправдать все эксплоатационные расходы и амортизационные нужды. В составе капиталов каждого ЖАКТ-а образуется фонд капитального ремонта путем ежемесячных отчислений от квартирной платы.

Для определения месячной квартирной платы устанавливается квартирная такса, исходящая из учета себестоимости и зависящая от степени благоустройства помещения. При существующей заработной плате, ставки квартирной таксы непосильны для низко оплачиваемых категорий трудящихся, поэтому существуют льготы по оплате жилой площади в виде скидки с квартирной таксы с таким расчетом, чтобы квартирная плата за среднюю занимаемую площадь, составляла в бюджете трудящегося не более 10% заработной платы.

Советское государство проводит чисто классовую жилищную политику, резко ограничивая жилищные права на постоянное проживание и льготы по отношению к нетрудовым элементам.

Кроме установленной по таксе квартирной платы, квартиронаниматель уплачивает дополнительные суммы на покрытие расходов по центральному отоплению, на оплату счетов за коммунальные услуги, на производство дополнительного капитального ремонта в домах ЖАКТ-ов, на образование в них их членами капиталов социального назначения (устройство детских садов, столовых и др.).

В настоящее время советская власть создает наилучшие жилищные условия для ведущих групп работников, стимулируя этим повышение производительности труда. Улучшение жилищных условий обеспечивается в первую очередь квалифицированным кадрам, ударникам и стахановцам, пользующимся правом на дополнительную площадь. Теперь широко практикуется премирование квартирами «героев труда» и «знатных людей».

Что же касается частновладельческого жилищного фонда, то он по своей ценности не превышает 15% общей стоимости жилого фонда, хотя по площади равен около 90 миллионов кв. метров.

С целью смягчения остроты жилищной проблемы советское правительство вынуждено было отступить от основных принципов государственного регулирования жилищной политики и предоставило строительство мелких домов частным лицам на началах индивидуальной собственности. Необобществленный сектор состоит главным образом из одноквартирных деревянных домов со средней площадью в 35 кв. метров. Надо подчеркнуть, что кредиты для индивидуального строительства в первую

очередь даются стахановцам. Выходит, что лучшие строители социализма — собственники!

Право застройки возникает по договору частного лица с коммунальным отделом, который передает ему земельный участок на срок: для возведения деревянных строений до 50 лет, а каменных — до 65 лет.

Домовладелец использует для себя жилую площадь в своем доме в пределах установленной нормы, а излишки заселяются коммунальными органами за плату. Несдающиеся в наем дома освобождаются от налога со строений и от земельной ренты.

Коммунальные отделы ведут надзор за состоянием частновладельческого фонда и непроизводство текущего ремонта их владельцами, неуплата налогов и сборов и т. п. влечет за собой муниципализацию частно владельческих строений. Однако XVI-й Всероссийский с'езд советов предложил местным советам не злоупотреблять этим правом в случае бесхозяйственного содержания строений, а обеспечить своевременный ремонт и принимать меры к снабжению частных домов строительными материалами.

По истечении срока договора частные строения переходят в распоряжение коммунальных органов, которые должны возместить стоимость этих строений.

Громадные задачи, стоящие перед органами советской власти, для успешного выполнения требуют таких форм и методов управления в строительстве и эксплоатации жилищного хозяйства, которые дали бы возможность населению приложить свои силы и энергию.

Общие же политические условия и государственное руководство народным хозяйством в сов. России создали бюрократическую систему, которая представляется нам главным препятствием в деле нормального разрешения жилищной проблемы.

П. Гаврилов-Буяр.

Н. НИКОЛАЕВ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В С.Ш.А.

(Письмо из Нью-Иорка)

Разброд в рядах фашистов и коммунистов. — Гитлеровский митинг в «Н. И.» — Комитет защиты Троцкого. — Прогрессивный Общественный Комитет: его возникновение, состав и задачи.

Свой первый обзор (№ 7 «НС»), посвященный нашему политическому фронту вообще, а в частности его правому крылу «истинно-русских-сверх-националистов», имеющих претензию выражать настроения всей колонии,я закончил предположением, что созданный ими с такой помпой «Рус. Нац. Комитет», ввиду ряда «кризисов» внутри, а также иронического отношения к нему извне, обречен на скорое исчезновние.

Ныне к сказанному ранее могу добавить, что это мое предположение оказалось предсказанием, осуществившимся даже ранее, чем я думал. Это можно утверждать на основании на днях опубликованных, и пока никем, кроме голословных возражений и протестов заинтересованных лиц, не опровергнутых фактов, изложенных в обстоятельной статье редактора «НРС» М. Е. Вейнбаума. Факты эти говорят сами за себя, никаких комментарий с моей стороны не требуют и заключаются, вкратце, в следующем.

Дело в том, что подобно тому, как несколько лет тому назад, наши монархические круги переживали ряд скандалов и конфузов, в связи с приездом сюда в сопровождении двух титулованных молодых людей, с «важной и секретной» миссией некоего Кольберга, уличенного затем в провокации, — так и ныне, те же круги переживают новые волнения и скандалы, в связи с появлением и деятельностью здесь, на сей раз фальшивого «князя Кочубея» (он же Армстронг - Афанасьев), и непризнаваемого местными казаками, казачьего полковника Карташева, — а также находящегося с ними в связи «главы немецкого национального союза», лидера местных гитлеровцев Фрица Куна.

В результате стараний этой «небольшой но теплой компании», на которой я сейчас не имею ни желания, ни времени более подробно останавливаться, произошла приостановка деятельности «Рус. Нац. Комитета» и прекращение работы «Центрального Правления Рус. Национ. Организаций», а вместо них возник новый «Русский Национальный Союз», возглавляемый одним из руководителей газ. «Россия» г. Мельниковым, стоящим на «гитлеровской платформе» по русскому вопросу. Об этом он открыто засвидетельствовал своим присутствием, на митинге «наци», под свастикой, украсившей даже русский национальный трехцветный флаг, в Ипподроме 12 прошедшего февраля месяца. В этот самый вечер русский народный Нью-Иорк дружно и торжественно чествовал память Пушкина в «Мекка-Темпел», куда не явился ни один из членов так называемого «Первого Пушкинского Комитета», известного под именем «Бразолевского», имевшего свое собрание значительно ранее.

Каковая участь постигнет новый «Рус. Нац. Союз», и куда приклонят свои головы и сердца те наши «националисты», у которых всетаки, несмотря на искушение, хватило совести не пойти на провокацию агентов «Фюрера», мы увидим, вероятно, в ближайшем будущем, пока же, предоставив им искать приличного выхода с сохранением своего лица, из создавшегося трудного положения, обратимся

к противоположным им, нашим левым противникам, коммунистам, и идущей с ними в «едином фронте» части социалистов, — также переживающим в данное время период острой борьбы, развала и исканий новых позиций. Эта мена «вех и позиций», недавно еще казавшихся им столь ясными и незыблемыми, особенно в сравнении с позициями «гнилой, гибнущей демократии», эти не прекращающиеся на их собраниях словесные, а подчас и кулачные побоища, усмиряемые буржуазной полицией, вызывается градом сюрпризов и сенсационных требований, сыплющихся на их головы, то из Кремля от Сталина, и его полпреда Трояновского, то из Мексики, от Троцкого и образовавшегося здесь «Комитета» его имени. И любопытнее всего является, как в речах «Его превосходительства советского амбасодора», так и в бюллетенях вышеназванного «Комитета», их лейтмотив, — забудем прошлое, установим общий лад», настойчиво и все более и более откровенно звучащий в их обращениях к той самой демократии, над истреблением и оплеванием которой они столь долго и талантливо трудились.

Неумолимым ходом событий оба — и Сталин и Троцкий—и их платные, и неплатные агенты и друзья здесь вынуждены менять свои волчьи шкуры на тоги друзей народа, свободы, справедливости и гуманизма и, «уходя от Октября», взывать к Февралю, к вечным, великим принципам, им провозглашенным двадцать лет тому назад в дни Русской Революции. Напрасные старания, — их слушают, но более им не верят, даже бывшие их искренние поклонники, ибо кровь и грязь «Октября» не смыть с себя его слугам никогда, никакими признаниями «ошибок», декларациями и декламациями, как их самих, так и их новых защитников из лагеря бывших противников.

Разобраться в этом запутанном клубке взаимной грызни и лжи «единой» когда то коммунистической партии крайне трудно, да и не стоит труда, ибо она явно разваливается, и наиболее сообразительные и практичные из ее членов, по примеру своих «вождей», начинают менять свой цвет и прежний победный, боевой тон своих выступлений и требований. Свидетелями этого нам пришлось быть недавно, на докладах увлекательного и увлекающегося лектора г. Лебедева и его оппонентов из обоих фракций коммунистического лагеря, содержание которых было оглашено своевременно в печати, ввиду чего я, ограничившись сказанным, перейду ныне к центральной группе нашей общественности, об'единившейся под именем — «Русско - Американского Прогрессивного Общественного Комитета».

Центральным ядром этого об'единения были и остаются и поныне две основных группы: с одной стороны **демократическая,** в лице бывших «Кадет», ныне примыкающих к «РДО» и «Нашему Слову», руководимым П. Н. Милюковым, а с другой стороны **социалистическая,** в лице «с-д», «плехановцев» и «с-р», идейно близких «Новой России», редактируемой А. Ф. Керенским. Впоследствии к ним примкнули и состоят и теперь в тесном сотрудничестве близкие им по духу представители и отдельные лица из беспартийных рабочих кругов и прогрессивной интеллигенции.

Необходимость создания такого единого центра прогрессивной общественности, в противовес различным реакционным об'единениям правых кругов, а, главным образом, для правильной информации американцев о событиях, происходивших в России, и для разоблачения большевистской лжи, давно сознавалась всеми названными выше группами. Об этом не раз говорилось на докладах и митингах, писалось в местной передовой прессе; в частности наша группа четыре года тому назад опубликовала в «НРС» свое воззвание, которое и послужило материалом при обсуждениях основ Об'единения, а затем и при выработке платформы Общественного Комитета. Ввиду этого позволю себе привести здесь в выдержках, из обоих «исторических» документов то, что является в них наиболее существенным.

«Союз защиты демократии».

«Наступают сроки падения антинародной, покоющейся на обмане, насилии и терроре, советской власти. Она будет свергнута самим непрестанно с ней борющимся русским Народом, его внутренними силами: крестьянства, казачества, красной армии, рабочих и интеллигенции. Мы, пребывающие в эмиграции, братья их по духу и крови, дети единой родины, независимо от нашей национальности, вероисповедания и партийности, должны всеми силами помочь им одержать победу и построить на месте интернационального, без'имянного СССР, здание новой, свободной России, достойное ее великого народа, высокой культуры и тысячелетней истории. Шестнадцать лет тому назад, в знаменательные дни Февраля 1917 года, после долгой и упорной борьбы за власть, свободу и право самому решать свою судьбу, Русский Народ, в едином дружном порыве всей нации, сбросил с себя давившие его путы одряхлевшего царского самодержавия. Вновь в Октябре, того же года, обманом еще крепче большевиками скованный, он ныне опять смертельно за то же бьется с самодержавием и диктатурой коммунистической партии. Тот же светлый идеал Народовластия указывает и нам путь, в наших попытках создать ему помощь, здесь в зарубежьи, единый «Союз защиты демократии», от непримиримых ее врагом, — коммунизма слева и фашизма справа. Наш фронт достаточно широк, начиная от беспартийных, прогрессивных кругов и оканчиваясь государственно мыслящими социалистами, с республиканцами-демократами в центре. Но в нем нет места ни тем, кто до сих пор не способен понять и принять Февральскую Революцию, ни тем, кто способен доныне колебаться в своем непримиримом отношении к советской власти и искать с ней единых путей

и соглашения. В силу сказанного, не создавая никакой новой партии, и не требуя ни от кого ухода из их, невраждебных идеалам демократии, партий, мы, твердо веруя, что единственно правильным,. предначертанным историей и страданиями Росссии, ее будущим путем, может быть только путь указанный февральской революцией, — мы зовем в наш «СОЮЗ», под знамя Февраля 17 г., всех кому оно дорого и кто готов и способен ему честно служить». Апреля 11 дня, 1933 г. Гор. Нью-Иорк.

В плоскости этих идей и мыслей, нашедших отклик и сочувствие в кругах, как левее, так и правее нас стоящих, начались собеседования и встречи лиц, ранее знавших друг друга только по имени, закончившееся, сначала временными, совместными выступлениями по отдельным поводам, как напр., голод в России, террор, судебные процессы и т. п., а затем постоянным об'единением в виде «Рус. Амер. Прогрес. Обществ. Комитета», с утвержденной общим собранием учредителей, платформой и уставом, из коих я приведу три первых основных параграфа.

1) Обществ. Комитет является представительством русских и американских прогрессивных демократических и социалистических организаций Америки.

2) Общ. Комитет ставит своей основной задачей содействовать борьбе за свободную Россию против всякого угнетения и самовластия, в какой бы форме — фашизма или большевизма — они ни проявлялись.

3) Общ. Комитет считает задачей освободительного движения **возвращение всей власти народу на основе идеалов февральской революции.**

Остальные пять пунктов Устава, касаются деталей работы Комитета среди как русских, таки и чисто американских организаций и учреждений для освещения перед ними «истинной сущности советского режима», и для создания (это оказалось невозможным) подобного бывшему здесь когда то, во времена Кенана, — «Общества Друзей Свободной России».

Более двух лет, как существует и работает, в намеченном направлении «Общ. Прогр. Комитет», он имел несколько многолюдных собраний и митингов с участием гр. А. Л. Толстой, г-жи Чернавиной и др. Не далее как вчера им было устроено, ввиде скромного обеда, собрание, посвящнное памяти Русской Февральской Революции, прошедшее с большим под'емом, и глубокой верой в то, что Россия вновь, неизбежным ходом событий приближается к Народовластию, к свободе, к светлым идеалам Февраля 1917 года. Выступали Члены Правления, в лице Предс. д-ра С. Ингермана, Тов. Предс. быв. Чл. Гос. Думы Н. Николаева, Секретаря Ан. Браиловского, Н. Калашникова, С. Бобовича, Е. Полушкина, а также г. г. Л. Калашникова и И. Тартак.

Надеюсь, в следующем письме подробнее коснуться этого собрания и той «критики», которую оно несомненно вызовет, со стороны как правых, так и левых наших злобных противников.

Н. Николаев.

Е. НОВОХАТНЫЙ

АКТИВИЗМ И «АКТИВИСТЫ»

(Письмо из Югославии).

Уже давно некоторая часть эмиграции проявляет желание разделиться по признаку активизма, причем часто это не имеет ничего общего с деятельностью данного лица или организации. Так, нередко можно встретить «активиста» в лице самого мирного и безобидного обывателя, бесконечно далекого вообще от всякой политической работы, — как не трудно указать такие «активистские» организации, чей активизм не выходит из рамок совместных бесед, да и то не частых «о днях минувших безвозвратно».

Но даже отбросив подобные курьезы, нужно признать, что для разделения по признаку активизма, под которым в эмигрантском понимании подразумевается прямая, революционная борьба с советской властью, — нет оснований уже по одному тому, что в настоящее время, если можно уловить какую - либо разницу между «активизмом» и «не-активизмом», то разве только в принципиальном понимании теми и другими абстрактно возможного, допустимого и полезного для России, а никак не в области их практической деятельности, — одинаково в этом смысле неактивной.

Таким образом, делать ударение на своем активизме и не давать при этом нового толкованию этому термину — значит сознательно вводить в заблуждение ту часть эмиграции, которая в данном вопросе недостаточно осведомлена.

К сожалению, редко кто из «активистов» склонен к откровенному признанию существующего положения вещей и, как общее правило, они предпочитают обманывать других (а может быт и себя самих) миражем эмигрантского активизма.

К числу таких упорствующих относится и НСНП (Национальный союз нового поколения), как известно, родившийся под знаком активизма и в нем одном видящий и цель и смысл своего существования.

Поставив ставку на зеленую молодежь, более других склонную к романтике и менее других способную к анализу действительности, — эта организация, конечно, не случайно имела наибольший успех в наиболее глухих местах эмигрантского рассеяния, в частности в Югославии, где она встретила самый теплый прием в обществе и печати, и где «отцы» и «деды», «тетушки» и «бабушки» валом валили в «комитеты содействия».

Успех часто кружит голову. Это всегда вредно, но ссобенно — когда он не достаточно оправдан. Такой опасной формой «головокружения» заболели и «вундеркинды» из НСНП, чей невероятный апломб и всезаглушающий барабанный бой так поражали первое время слушателя и читателя со стороны.

Активизм этой организации был вне каких-либо подозрений. Это был беспорный чемпион в лагере «активистов». И вокруг деятельности НСНП усиленно мусировались слухи и создавались легенды, в которых Рокамболь прихотливо переплетался с Солоневичем.

Что, собственно, во всей этой шумихе было от действительности, а что от буйной фантазии, разобрать нелегко; да это и не так важно, если исходить из конечных результатов. Во всяком случае, вспоминая, сколько было победного шума по поводу убийства Кирова (портрет Николаева был даже торжественно вывешен в помещении организации), не приходится сомневаться, что здесь не обошлось без большой дозы несерьезной хлестаковщины.

«Головокружение» продолжалось довольно долго, — вплоть до громкого дела о провокации Линицкого и К-о, после которого наступило заметное оздоровление, а вместе с тем начался и новый период в жизни организации, на сей раз уже твердо ставшей на путь активизма в ковычках. Слухи и глухие намеки — как рукой сняло, литавры замолкли, героика уступила место будничной прозе, и словоохотливые «вожди» с увлечением отдались обсуждению различных теоретических вопросов государственной политики, в которых они в настоящее время и плавают с заметной пока что неуклюжестью.

Тем не менее, это нисколько не мешает НСНП упорно настаивать на своем активизме. Это в конце концов понятно, если принять во внимание, что откровенное признание существующего положения вещей явилось бы для него не только полным политическим банкротством, но и безусловной потерей симпатий тех поддерживающих НСНП элементов, которые в вопросе активизма требуют хотя бы иллюзий.

НСНП эти иллюзии им дает — и тем охотнее, что благодаря своей идейной беспомощности, врядли может рассчитывать на какую либо иную политическую роль.

Другой вопрос — как расценивать при этом роль самого Союза. Но и в данном случае нельзя быть особенно строгим, принимая во внимание, что нетребовательный поклонник - обыватель вполне удовлетворен его идейным багажем; охотно, подобно ему, говорит и думает лозунгами и, не морщась, приемлет даже такой загадочный термин как «национально-трудовой солидаризм» — эту гордость и главный козырь Союза.

Таким образом, как будто все обстоит благополучно: местный обыватель доволен НСНП, последний — сам собой, а оба вместе — «активизмом».

На этой трогательной «идиллии» и можно было бы покончить, если бы, на несчастье, не существовала такая категория эмигрантов, которая неспособна понять условной лжи некоторых терминов. Это — эмигрантские дети.

Недавно, несколько таких детей, в возрасте 12-15 лет, наслушавшись горячих речей и начитавшись соответствующей литературы, отправились «спасать Россию».

Судьба, их постигшая, была, конечно, печальной: после нелегального перехода границы одного из соседних государств, они немедленно же очутились в тюрьме, а затем, по возвращении обратно, были исключены из учебного заведения. А, ведь, по совести говоря, вся их вина в том, что они не поняли активизма в ковычках и свято приняли на веру все, что им внушалось в школе и вне ее.

К счастью, эта категория эмигрантов в значительной степени стеснена в своих действиях. Что же касается вообще «активистов», вроде засевших в «комитетах содействия» (и других «активистских» организациях), то, являясь таковыми, — так сказать, «в принципе» и «за чужой счет», — они излишней наивностью не отличаются. А потому, в смысле активизма без ковычек все обстоит вполне «благополучно».

Однако, указанный случай не может не заставить призадуматься над вопросом: не пора ли, наконец, изгнать политику из школы и, хотя бы в стенах ее, из'ять детей из под влияния разных политических кликуш, для которых, ведь, и без того существует довольно широкое поле деятельности вне стен школы. А попутно задаться и другим вопросом, касающимся эмиграции в целом: не наступило ли время отказаться от некоторых вредных иллюзий и начать строить свою политическую жизнь на основе реальности, а не «воздушных замков».

Конечно, при этом неизбежно исчезновение некоторых политических групп и организаций, живущих за счет своих, а главным образом, чужих иллюзий. Но за то это будет способствовать консолидации в эмиграции политически более отчетливых мировоззрений, что в свою очередь создаст более здоровую почву для политического воспитания подрастающих поколений.

Е. Новохатный.

А. Н. Лазаренко

(Некролог)

29 марта, в Белграде, после тяжкой болезни, скончался Александр Николаевич Лазаренко.

В лице покойного ушел крупный общественный деятель, блестящий юрист и прекрасный человек, пользовавшийся уважением и любовью всего эмигрантского Белграда.

Главная часть жизненного пути была пройдена А. Н. в России. Перед войной он занимал должность товарища обер - прокурора сената.

При временном правительстве был членом комиссий по пересмотру судебных уставов, уголовного уложения и по выработке проекта основных законов.

Литературную деятельность А. Н. начал в октябре 1901 года. Его интересные статьи, всегда тщательно продуманные и документированные, появлялись на страницах многочисленных юридических журналов.

В эмиграции А. Н. пришлось заново строить свою жизнь. Большие знания и организаторские способности выдвигают покойного на видное место в министерстве путей сообщения в Югославии. А. Н. создает отдел железнодорожной статистики, которым и руководит до самой кончины.

В то же время А. Н. играет активную роль в местной русской общественно - политической жизни. Он — деятельный член Союза русских писателей и журналистов, создатель и вдохновитель политического кружка «Беседа».

Будучи по своим убеждениям республиканцем-демократом, А. Н. возглавлял местную демократическую группу и находился в деятельной связи с парижским РДО. Он волновался и жил нашими общими политическими интересами. Его содержательные письма давали полную картину местной политической жизни и были незаменимым источником нашей информации. Он активно сотрудничал в «Нашем Слове» — органе РДО, и помещенные им статьи блещут большой эрудицией и проникнуты глубокой верой и цельной верностью республиканско-демократическому идеалу. Помещаемая в настоящем номере последняя им написанная статья, ставшая «посмертной», является частью задуманной А. Н. работы о проблеме федерации.

В тяжелых местных политических условиях А. Н. всегда стойко и мужественно защищал и отстаивал республиканско - демократические идеи. «Дело демократии не только не проиграно, но ей принадлежит будущее» — эта фраза из одного его письма может служить эпиграфом ко всей публицистической деятельности А. Н.

Его уход — тяжелая, невознаградимая потеря и для русского культурного Белграда, и для всего республиканско - демократического движения в эмиграции. **А. Александров.**

Памяти А. С. Михельсона-Александрова

За последние месяцы РДО понесло еще одну утрату. 20 апреля в Париже после непродолжительной, но тяжкой (рак кишечника) болезни скончался С.-Петербургский прис. пов. А. С. Михельсон-Александров.

Покойный принимал деятельное участие в жизни РДО, читал у нас доклады, выступал на наших собраниях, сотрудничал в нашем журнале, постоянно посещал наши вторничные и субботние товарищеские беседы в библиотеке - читальне. Формально не принадлежа к составу РДО, А. С. фактически был одним из наиболее близких ему людей, пользовался среди р-д-ков всеобщим уважением и любовью.

Вся его жизнь, нелегкая в эмигрантских условиях, была отмечена горячим искренним патриотизмом и поистине жертвенным служением родине. Все его помыслы были направлены в сторону России; он жил только ее жизнью, только ее интересами. За годы пребывания в эмиграции, А. С. собрал огромный материал по истории коммунистической партии за последние двадцать лет, часть которого была им опубликована в чрезвычайно ценной книге «Кто правит Россией». Тщательно изучая происходящие в России процессы, А. С. ясно видел обреченность режима и быстрое приближение конца коммунизма. Покойный глубоко верил в светлое будущее России и в последние часы своей жизни сожалел лишь о том, что ему не доведется пережить Сталина и советскую власть и быть свидетелем нового возрождения России.

Смерть А. С. искренне опечалила всех членов РДО. В его лице Россия потеряла одного из верных и преданных ей сынов, а РДО — одного из наиболее близких и любимых им друзей. **В. Попов.**

РДО В ПАРИЖЕ.

Доклады и собрания.

27 января 1937 года — Доклад **П. Н. Милюкова** — «Европа и Россия».

2 марта — Доклад **П. Ф. Гаврилова-Буяра** — «Коммунальное хозяйство в сов. России».

9 марта — Собеседование о политическом положении в СССР с вступ. словом **Б. Л. Дудкина.**

30 марта — Доклад **М. Н. Абациева** — «Идея солидарности народов Кавказа».

6 апреля — Доклад **Я. Л. Литвина** — Германия и Россия (от Бисмарка до Гитлера).

11 мая — Доклад **А. А. Александрова**—«Современное социальное законодательство».

25 мая — Доклад **А. П. Маркова** — Промышленность и сельское хозяйство в 1937 г.»

8 июня — Доклад **В. Н. Сперанского** — «Герцен, как политический мыслитель».

Le Gérant: V. Kosmentzoff Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА»:

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО
открыта по субб. и вторн. от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel **Métro Beaugrenelle**

Заказную корреспонденцию по делам РДО и журнала «Наше Слово» просим адресовать Секретарю РДО **А. А. Александрову**
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы Казначею РДО **В. В. Попову**
35, rue Jacob, Paris (6)